

МИССИЯ "ДВОЙНИК"

Александр Терентьев

секретный фарватер

Секретный фарватер (Вече)

Александр Терентьев

Миссия «Двойник»

«ВЕЧЕ»

2013

Терентьев А. Н.

Миссия «Двойник» / А. Н. Терентьев — «ВЕЧЕ»,
2013 — (Секретный фарватер (Вече))

ISBN 978-5-4444-8766-2

Июль 1941 года. Белоруссия. Трое мужчин в гражданской одежде пробираются лесами на восток. Это Яков Джугашвили, политрук Шорохов и сержант Тохадзе. В стычке с немцами все трое попадают в плен. Причем только Шорохов сдается добровольно. Вскоре над позициями Красной армии немцы начинают разбрасывать листовки, в которых говорится, что «сам сын Сталина добровольно сдался в плен и призывает всех бойцов следовать его примеру». А в лагере Тохадзе в сговоре с другими пленными убивает Шорохова, перешедшего на сторону врага, – таким образом, исчезает единственный свидетель, способный подтвердить, что Яков Джугашвили, которого допрашивают немцы, и есть настоящий сын Сталина. Затем Тохадзе удается заверить немцев, что именно он настоящий сын Сталина, а «Джугашвили», которого обхаживают немцы, – всего лишь самозванец. Диверсионная группа НКВД проникает в концлагерь и освобождает настоящего Якова Джугашвили. В плену остается двойник, которого немцы искренне считают сыном Сталина...

ISBN 978-5-4444-8766-2

© Терентьев А. Н., 2013
© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

1	6
2	10
3	12
4	15
5	19
6	21
7	24
8	27
9	30
10	33
11	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Терентьев

Миссия «Двойник»

© Терентьев А.Н., 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2013

* * *

*Моим отцу, деду и всем вернувшимся и не вернувшимся с той
страшной войны посвящаю...*

Александр

1

*16 июля 1941 года. Белоруссия,
район местечка Лиозно*

...Сорока, деловито вертевшаяся на макушке худосочной березки с чуть пожухлыми листьями, озабоченно склонила голову, высматривая незваных гостей, возмущенно потрясла длинным хвостом и застрекотала на весь лес, подавая сигнал тревоги. Предательский стрекот отдаленно напоминал суховатую очередь из немецкого автомата.

– Разоралась, зараза!.. – невзрачного вида мужичок в обтерханном пиджачке и застиранных старых брюках, запроваленных в еще исправные, но грязные сапоги, проводил испуганно вспорхнувшую сороку ненавидящим взглядом.

– Злой ты человек, Шорохов! Даже птичка тебе помешала. – Крепкий, широкоплечий мужчина явно кавказских кровей, в такой же затасканной гражданской «справе», неодобрительно и в то же время насмешливо посмотрел на невзрачного, устало вытирая вспотевший лоб засаленной кепкой. – Да вот беда – птичке ты приказать не можешь! Обидно, дорогой, да?

– Я вам, товарищ младший лейтенант Тохадзе, не «дорогой», а «товарищ старший политрук», ясно?

– Ясно, – помрачнел лейтенант, – товарищ старший политрук... Только вот что-то я формы вашей не вижу да и петличек красивых. Так что все мы пока непонятно кто и что...

– Тохадзе!.. Ты мне эти разговорчики брось! – непонятного цвета глаза политрука недобро щурились, и полыхало там что-то... нехорошее. – Мы – Красная армия! Ты не хуже меня знаешь, что все это результаты провокации, что мы отступаем временно. Сейчас командование стягивает силы, и в ближайшие дни...

– Да слышали, знаем! – Тохадзе раскинулся на сухой, уже чуть выгоревшей траве и, глядя на бледно-жаркое пятно зависшего в небе солнца, зло проговорил: – «Если завтра война...», «малой кровью на вражеской территории...» Это там малая кровь?! – вскинулся и махнул куда-то в сторону запада. И тут же в ярости стукнул ладонью по траве: – А это вот вражеская территория?! Я в этой «малой крови», между прочим, еще в Финскую чуть не захлебнулся!

– Товарищ младший лейтенант, молчать! Я вам приказываю! – белея лицом, сцепил зубы Шорохов. – Или ты, шкура, уже красноармейцем себя не считаешь?! Тогда кем?

– Ты не мне свои вопросы задавай, – Тохадзе искоса глянул на третьего спутника, молча сидевшего на траве и хмуро кусавшего сухую былинку. – Он-то получше, небось, знает, почему мы уже три недели как зайцы по лесам скачем! Он тебе про все расскажет: и про вечный мир с Германией, и про «крепкую броню», а может, и про то, почему мы всех командиров перед войной к стенке поставили. Товарищ старший лейтенант, не подкажете, какую там думу сейчас думают в Кремле товарищи Сталин и маршал Ворошилов?

– Прекрати, Тохадзе... Да и вы, Шорохов, остыньте! – подал голос третий, в подобной же одежде явно с чужого плеча, а внешне скорее напоминавший горбоносого, усатого красавца Тохадзе, чем политрука, несомненного сына славянских степей и лесов. Только вот усов у старшего лейтенанта не было, да и волосы, зачесанные на прямой пробор, с пышной шевелюрой Тохадзе поспорить никак не могли. – Нам еще передрасться не хватало – немцам на радость. Что думают в Кремле, я не больше твоего знаю. У меня в карманах радио нет. Выйдем к своим – выясню все и обязательно тебе расскажу. А сейчас нам не собачиться нужно и митинговать, а на восток пробираться. Всё, подъем! Где-то тут должно быть шоссе... Так что слушай боевой приказ: встали и пошли.

О том, что шоссе уже где-то неподалеку, они сначала догадались по сильному запаху гари, а потом и увидели то, что и дорогой-то назвать было бы затруднительно. Самая обычная грунтовка была буквально перепахана взрывами авиабомб. Несколько сожженных танков, разбитые повозки, опрокинутая полевая кухня, вся изрешеченная пулями и напоминающая огромный дуршлаг, перевернутые взрывом полуторки, прошитые крупнокалиберными пулями из авиационных пулеметов, с разбитыми стеклами, порванными тентами и сгоревшими дотла скатами колес. И люди. Много людей в выгоревших, рваных, пробитых пулями и залитых почерневшей кровью гимнастерках...

– Без прикрытия шли. – Тохадзе сумрачно оглядел картину побоища. – Где ж были наши доблестные «сталинские соколы», колотить их маму, а? А немец кружил, заходил раз за разом и расстреливал как хотел... Заходил и расстреливал – не спеша, как на учениях!

Политрук подошел к разбитой полуторке, съехавшей в кювет и почти целой, если не считать строчки от пуль, перечеркнувшей лобовое стекло, а заодно и жизни совсем еще зеленого лейтенанта и водителя, усатого мужика лет под сорок. Вся земля вокруг была усеяна растрепавшимися папками с документами и разрозненными листами бумаги.

– Смотри-ка, не сгорели. – Шорохов поднял пару листков, пробежал глазами, отбросил и заглянул в кабину. – Все готовы... Дня три назад, надо думать. Товарищ старший лейтенант, а документики-то нашего славного 14-го гаубичного артполка тоже тью-тью – вместе со штабной машиной сгорели! Да оно и лучше вообще-то – врагу не достались, верно я говорю?

– Верно. – Старлей, казалось, находился если и не в глубокой апатии, то во власти эмоций и размышлений далеко не самых радостных. – Ты, Шорохов, всегда верно говоришь... Да, вот о документах ты правильно напомнил – документы наши спрятать надо. Вернемся – заберем. А так, в случае чего, немцы сразу в расход пустят... А мы любой ценой обязаны до своих дойти и бить фашистов. Бить!

– Ага, то-то мы их и бьем... Они, небось, сейчас уже в Москве с нашими красными маршалами хванчкару, киндзмараули пьют и свои марши распевают. А товарищ Буденный им на гармошке «Тачанку-ростовчанку» наяривает! – Тохадзе подобранной саперной лопаткой взрезал дерн рядом с приметным огромным валуном, и все по очереди уложили в ямку аккуратно завернутые в рваную плащ-палатку красноармейские книжки и прочие бумаги. Укладывая на место пласт дерна, Тохадзе мрачно глянул на дорогу и нерешительно сказал: – Их бы всех похоронить... по-человечески...

– Да ты видишь, сколько их?! – взъярился политрук. – Тут на неделю работы, а нам к своим пробиваться надо, понял?! Или хочешь привал сделать, выспаться? А может, немцев подождать, а?.. Что забелел-то, уже зубы стучат от страха? Штаны-то сухие, орел горный?..

– Это ты мне такие слова говоришь, хорек поганый? – В глазах младшего лейтенанта металась недоумение и бешенство.

– А ну молчать! – старлей зло оборвал спорщиков, предотвращая неминуемую драку. – На весь лес орете! Сейчас немцы услышат, придут и всех помирят. Лучше пошарьте по машинам, патронов да гранат надо набрать, а то у меня, например, только одна обойма. Случись что, много мы навоюем? Давайте, вперед... петухи плимутроки бойцовые! В последний раз предупреждаю: кто первый затеет драку – застрелю к едрене фене!..

Словно в подтверждение слов командира о немцах, которые «всех помирят», где-то совсем неподалеку глухо затарахтел мотоцикл и вслед за ним надрывно загудел двигатель автомашины. Троица едва успела рвануть под укрытие разбитого танка, как из-за поворота, прикрытого редким орешником, выскочила в сопровождении мотоцикла с коляской бронемашинка, набитая солдатами в серо-зеленой форме и в глубоких угловатых касках. Несмотря на поспешность беглецов, немцы заметили их сразу, и мотоциклист, сидевший в коляске, не раздумывая дал длинную очередь из МГ-37 с круглым дырчатым кожухом. Пули хлестко лупили по слабоватой закопченной броне сгоревшего БТ-7, рикошетили с мерзким визгом

и легко срубали листья и ветки придорожных кустов. Солдаты, подчиняясь короткой отрывистой команде, сыпанули из кузова бронемашины и мгновенно рассредоточились, пытаясь сомкнуть кольцо вокруг танка, на какое-то время превратившегося в укрытие для противника. Ударил пулемет, закрепленный на бронемашине, ему вторили сухие короткие автоматные очереди и одиночные винтовочные выстрелы. Затем выстрелы резко оборвались, на минуту воцарилась напряженная, неприятная тишина, и в этой тишине четко прозвучал громкий голос с сильным акцентом:

– Вы окружены! Рус, сдавайся! Немецкий солдат ест великодушен, и вы будете жить!..

Есть в военной науке такой термин как «взаимодействие войск». Военные действия удачны лишь тогда, когда «каждый солдат знает свой маневр», когда разведка, связь, артиллерия, авиация и все остальные точно знают и четко выполняют свою работу, когда вся армия представляет собой безукоризненно отлаженный механизм. Вынь из часов крохотную шестеренку или из затвора мелкий штырек бойка – часы можно выкидывать на помойку, а грозный автомат превращается в бесполезную железяку.

Что могут сделать против двух десятков хорошо вооруженных и отлично подготовленных опытных вояк трое измученных недоеданием, недосыпанием и тягостной неизвестностью младших офицеров, большую часть службы изучавшие уставы да «Краткий курс истории ВКП(б)» вместо стрельбы на полигонах? Разве что одно – попытаться подороже продать свои жизни. Хотя... Хотя всегда есть и другие пути. Плен – это, конечно, позор, вещь противная, но ведь... все же жизнь.

Тохадзе злобно ощерился и, окинув взглядом прильнувшего к борту танка политрука, кивнул в сторону прекративших стрельбу немцев:

– Ну, вот они. Покажи нам, какой ты герой, комиссар!

– Николай, твой сектор справа. Шорохов, ты говорил, у тебя гранаты есть... Николай?!

– Да слышу я. Слышу, Яша... – Крутанув барабан револьвера, Тохадзе пересчитал патроны и недовольно дернул головой, затем тщательно выцелил одну из касок, взял чуток пониже, плавно нажал спуск и удовлетворенно кивнул – каска ткнулась вниз и замерла. В ответ со стороны немцев вновь ударил пулемет и автоматные очереди. – Ты чего притих там? Гранату кидай! Попробуй по пулемету... Э!

Политрук извлек из необъятных карманов ребристую тяжелую лимонку, торопливо выдернул кольцо с чекой и, не высовываясь, швырнул гранату в сторону немецкой бронемашины. Но лимонка улетела куда-то вбок, ударилась о дорогу, чуть подпрыгнула и, закатившись под разбитый грузовик, глухо рванула, добивая мертвую полуторку, но не причинив ни малейшего вреда немцам.

Старший лейтенант, нехорошо затвердев лицом, высовывался на мгновение из-за хлипкой брони и посылал очередную пулю в немцев, не забывая подсчитывать оставшиеся в обойме патроны.

«Так... Ага, еще один есть! Вот так-то, отец... Ты никогда не любил меня, я всегда был чужим в твоём доме. А когда я, доведенный до отчаяния твоими придирками и холодной неприязнью, попытался застрелиться, ты посмеялся надо мной, когда я остался жив. Ты сказал тогда: “Ха, не попал!..” А теперь я попадаю!.. Четыре... Ты всегда считал меня слабаком и никчемным мальчишкой. А я докажу тебе, что я – настоящий мужчина и умереть сумею как настоящий офицер!.. Шесть... Еще одного, и последний патрон – мой. Я докажу тебе, что я мужчина, а не мальчишка! Тохадзе чего-то молчит... Убит, что ли?.. Семь! Все, пора!..»

Тохадзе и не мог ничего сказать – винтовочная пуля тяжелой оглоблей ударила его в плечо, а граната, разорвавшаяся совсем рядом, тугой волной шваркнула Николая о броню, вышибая остатки сознания из гудевшей колоколом головы. Наган с опустевшим барабаном тихо выскользнул из грязной от пота, пыли и крови руки...

Немец ящерицей выскользнул из-за кустов, стремительно метнулся к старшему лейтенанту и сильным, точным ударом приклада вышиб из онемевших пальцев ТТ, уже поднесенный к виску. Второй молниеносный удар пришелся в голову, и последнее, что краем глаза успел увидеть старший лейтенант, был политрук, как-то боком, по-крабьи, но невероятно быстро выбирающийся на открытое место и раз за разом повторяющий: «Нихт шиссен, нихт шиссен!» Затем в голове ослепительно вспыхнуло, и сразу же опустилась глухая черная ночь...

2

Выгоревшее добела солнце, неподвижно висевшее в блекло-голубоватом небе, равнодушно смотрело на бессмысленные и непонятные занятия смертельно усталых людей, называвших свою муравьиную возню, целью которой было убить как можно больше таких же муравьев, словом «война».

Высота была вдоль и поперек изрезана наскоро открытыми окопами, ходами сообщений, наспех укрепленными брустверами, пулеметными гнездами и кое-как насыпанными землянками – время хорошо оборудованных блиндажей, способных укрыть от артолетов и бомбежек, было еще далеко впереди. Чуть в стороне притаилась сорокапятка – небольшая пушка, изо всех сил пытавшаяся изображать из себя грозную гаубицу. Лейтенант со скрепченными пушечками на петлицах блаженно вытянулся на снарядных ящиках, сложенных в тенечке, и лениво прислушивался к разговору бойцов в соседней траншее.

– Во-от... А я там срочную служил, и была у меня полечка одна – ух! Тут, вот тут, а тама!.. В общем, «порода мясо-молочная костромская»! Вечерком, бывало, приду к ней, а она бутылочку бимберка-самогоночки на стол, яишенку из двадцати – вот те крест! – яиц шмяк! Эхма!..

– Насчет польки не знаю, а вот про то, что у особиста лукошко с двумя десятками яиц пропало тогда и он весь батальон на уши поставил, – это помню, – встрял чей-то ехидный тенорок.

– Во-от... Поляки справно жили. Дома все под железом да на фундаменте, полы крашенные, занавесочки, и почитай в каждой избе патефон – Европа!.. А у меня нынче тоже такая иржица поднялась, что будьте-нате. Я своей, уходивши, сказал, что убью, ежели хоть зернышко пропадет...

– У нас в колхозе тоже нынче... – солидно согласился кто-то баском.

– Ну, колхоз – это колхоз, а у меня тесть лесником, так мы это в лесу полосочку и распахали...

– Теперь твою кулацкую полосочку, небось, немцы жнут больши-им серпом! – снова встрял тенорок. – А ты тут сидишь, пузо греешь! А немец, может, уже и таво...

– Чего «таво»? Немец через нас поперет, понял, а мы его согнем в дугу да и по домам! Слыхал, что комиссар-то говорил, мол, заманиваем мы их и скоро так врежем...

– Дурак ты! Я к моей Маньке бегал жениться, а ее братья меня стерегли возле мостика. Ну, раз, не буду врать, поймали и два зуба выставили, сволочи... А потом – они стерегут, а я вброд да сторонкой – и к Маньке. Они стерегут, а их Маньку...

– Ты это про что?

– А про то, что пока мы тут, как дураки, немца стережем и врезать ему собираемся, он уже сторонкой, може, и до самой Москвы добрался. Мы тут, а они наших Манек гнут...

– Во, падла, опять летит! Ровно три – как на работу ходит, гад! Говорят, недавно один солдатик вот такого же из винтовки снял: раз – и немец носом в землю! – мечтательно произнес басок.

– Ну и ты попробуй. Вчера гороховую кашу давали – так ты развернись да стрельни...

Высоко над окопами мерно гудел двухфюзеляжный немецкий самолет, наблюдатель и разведчик, прозванный нашими солдатами «рамой». Сделав круг-другой, «рама» легла на обратный курс, а в небе тысячами голубей закувыркались белые листочки бумаги, медленно опускаясь на позиции зарывшихся в землю русских.

– Не, ну ты видел? Видел?! Точно он! И написано же: «Джугашвили»...

– И што? Жу... Жугашвили – и што? Причем тут Сталин?

– Дурак, Сталин и есть Джугашвили! А Сталин – это псевдóним, понял?!

– А може, врут, а?
– Как это врут?! Видишь – прописано и фотография евонная! И немец рядом...
– А ты его видел, видел? На сарае тоже много чего написано, баба туда шасть – а там дрова!

Лейтенант-артиллерист наострил уши и, стряхивая дрему, поднялся с такого удобного и приятного ложа. Прошел несколько шагов вдоль кое-как укрепленной хворостом траншеи, завернул за угол, окинул взглядом разом притихших бойцов и спросил, добавляя в голос командирской строгости:

– Эй, что там у вас?
– Так вот... с ероплана... эти вот...
– «С ероплана»! Дяревня... «Фокке-вульф» это, понял?
– Ну, я и говорю – с фоки... этой... фуки...

Лейтенант взял один из листков, протянутый чьей-то несмелой рукой. Долго всматривался в фотографию, затем пробежал глазами текст на русском: «Яков Джугашвили, сын Сталина, добровольно сдался в плен победоносной германской армии и деятельно сотрудничает с немецким Генштабом. Уж если такой видный красный командир понимает всю бесполезность сопротивления, что вы, простые товарищи бойцы, тут делаете?.. Листовка является пропуском для сдачи в плен... Доблестные русские солдаты, переходите на сторону непобедимой Германии, и вы будете в безопасности... вдоволь водки и хлеба... не слушайте жидов-комиссаров... вернетесь по домам...» «Черт возьми! Ну точно – он! Товарищ Ст... Джугашвили! Видел я его как-то в академии. Лицо, пробор этот опять же... Сын самого товарища Сталина... в плену?!» – Мысли лихорадочно метались в голове лейтенанта, но лицо оставалось все таким же строгим и непроницаемым – еще не хватало, чтобы бойцы догадались о легком смятении и сомнениях командира. Вон как жадно всматриваются, даже дыхание, кажется, затаили.

– Значит, так, – лейтенант и вовсе закаменел лицом. – Это – мерзкая провокация, рассчитанная на деревенских дурачков! Да и не Джугшвили это. Я его видел... в самой Москве. А тут и вовсе не похож!.. Слушай приказ: всю эту погань собрать в пределах досягаемости – и в костер! Ясно? А если кто-то «пропуск в плен» в сапог припрячет... найду и лично пристрелю! Согласно законам военного времени. И скажите спасибо, что особисты не видели, как вы эту хрень читали, – тогда бы всем мало не показалось! Всё! Разойдись по боевым постам...

3

Серо-голубоватый дымок «казбечины» беззвучно завивался причудливыми струйками, медленно уплывая к некрашеному дощатому потолку, и вызывал ассоциации с крохотным джинном, вылетающим из бутылки. Николай Тарасович Горобец, плотный мужчина в гимнастерке хорошего сукна, с ромбами старшего майора госбезопасности в васильковых петлицах, еще разок затянулся, затем твердым движением раздавил окурочек в стеклянной пепельнице и усмехнулся. «М-да, вот джинн бы мне не помешал... Чего изволите, господин? Слушаю и повинуюсь! Уж я бы нашел ему работу...» – Старший майор задумчивым взглядом окинул до мелочей знакомый вид из зарешеченного окна кабинета. Казармы, служебные помещения, кухня, чуть подалее – спортгородок с полосой препятствий, еще дальше – вышка часового и заборы, заборы да колючая проволока. Обычный спецучасток НКВД. Интересно, какой дурак распорядился вышки поставить? Все-таки не Дальлаг.

А березки-то уже желтые, конец лету...

Горобец вернулся к столу, раздраженно громыхнув стулом, уселся, в сотый уже, наверное, раз окинул неприязненным взглядом фотографии, разложенные на столе, и вопросительно посмотрел на помощника с треугольничками сержанта госбезопасности в петлицах.

– Ну, что скажешь, Васильев?

Васильев слегка пожал плечами, мол, наше дело помогать, а не думать, думает пусть начальство, у него и голова побольше, и оклад повыше, – вслух же осторожно поинтересовался:

– А у товарища Меркулова что?

– То! А то ты не знаешь? «Осип, ты сходи туда... Пусть мне обед подадут!»

– Извините... какой Осип?

– Да это так, пьеска одна... Про десять дураков и одного сильно хитро...умного! – Майор потянулся к черно-голубой коробке с нарисованным лихим джигитом, закурил очередную «казбечину» и, сердито пыхнув дымом, продолжил: – Товарищ Меркулов приказали «во что бы то ни стало освободить старшего лейтенанта Джугашвили из фашистской неволи!» Прямо так и выразился. Мол, пленение сына самого товарища Сталина дает немцам небывалый пропагандистский козырь и обширное поле для этих... манипуляций! Хотел бы я посмотреть на того умельца, который смог бы манипулировать нашим Верховным. Велено подобрать группу диверсантов со знанием немецкого, чтоб все дела тамошние знали. Документы-бумаги безукоризненные, само собой... Ну и все остальное, что в таких случаях положено. И чтоб лучших послали, чтоб кровь из носа и прочих дырок!

– Тогда, наверное, группу Бикбаева... – раздумчиво предложил сержант.

– Наш татарин с красной бородой?

– Какой бородой? – недоуменно вскинул брови помощник.

– Темный ты, Васильев, – майор сокрушенно вздохнул. – Я тебе список книжек составлю, и пока ты их от корки до корки... лейтенантом тебе не быть! А если серьезно, то дело-то табак. Это мы Бикбаева на верную, можно сказать, смерть посылаем. Ты сам прикинь: как бы ты охранял сына какого-нибудь Гитлера-Бормана, если б он к нам в ручки попался? Вот то-то, брат... Я бы, например, так все организовал, что и целая дивизия головорезов из какого-нибудь «Бранденбурга» ничегошеньки сделать не смогла, а тут мы хотим, чтобы четыре человека, можно сказать, за целую дивизию сработали!.. Но мы люди служивые, а приказы – сам знаешь – не обсуждают, а выполняют... пусть даже и ценой самой жизни!

– Послать-то группу не проблема... А вот куда? Немцы-то в листовках вряд ли точный адрес дадут, – резонно заметил Васильев.

– Не дадут. Но есть люди, работают. В ближайшие дни должно поступить сообщение от надежной агентуры. С той стороны... Так, – Горобец ткнул окурком в переполненную пепельницу и закончил: – Сейчас обед, а потом пришли ко мне группу татарина нашего! Да... и личные дела мне на стол!

* * *

Перед столом старшего майора по стойке смирно замерли четверо. Вроде бы и самые обычные солдаты, не самой богатырской внешности, в простой красноармейской форме – разве что без знаков различия. Да вот еще на левом фланге крохотного строя стоял не бра-вый молодец, а... молодница – довольно симпатичная светловолосая девушка. Четверка, как и положено, «ела глазами» начальство, а начальство неторопливо листало личные дела при-бывших бойцов, подшитые в картонные папки с массой грозных надписей и штемпелей, напоминающих о секретности. Пауза явно затягивалась, стоять истуканами было скучно-вато, и второй справа боец – типичный славянин с простецким лицом «без особых примет», жилистый и, вероятно, верткий в драке – потихонечку ослабил стойку и осторожно вытаскивал шею, пытаясь хотя бы краешком глаза увидеть кусочек «досье».

– Пахомов, ты себе шею свернешь и зрение испортишь, – не отрывая взгляда от бумаг, произнес Горобец. – Команды «вольно» вроде бы не было... Разболтались они у тебя, Бик-баев.

Бикбаев, командир группы, флегматичный татарин лет тридцати пяти, на потомка гроз-ных воинов степей был совершенно не похож, скорее на хозяйственного и справно-го вологодского мужичка, которому все едино: хоть избы рубить, хоть головы супостатам, главное, чтобы дело было настоящее, «муштинское», – и сделано оно должно быть на совесть.

Бикбаев ощутимо ткнул Пахомова острым локтем под ребра, тот как-то слишком уж смиренно вздохнул и вновь замер с постным видом, подозрительно напоминая како-го-нибудь пройдоху-монаха, изо всех сил изображающего несуществующие добродетели.

– Пахомов, – майор наконец поднял взгляд от бумаг и насмешливо взглянул на бойца, – а правда, что бойцы тебя между собой Попом кличут? Вроде священнослужителей у тебя в роду нет... Да вольно, вольно!

– А там и про это есть, товарищ старший майор госбезопасности?

– Там про все есть... Так все-таки? И можешь покороче – «товарищ майор». Не на плацу...

– Так это, наверное, из-за песни. Я как выпью маленько, так песню про попа Пахома пою.

– Что за песня? Что-то я такой не слыхивал...

– Она... матерная сильно, товарищ майор, – Пахомов покосился на опустившую взгляд девушку. – А еще у меня присказка такая есть – «поп-сирота»... Дурацкая.

– Так, – Горобец снова заглянул в бумаги, – к Белогорцевой и Титаренко у меня вопро-сов нет. А вот что еще ты мне скажи, товарищ Алексей Пахомов... Тут расписано, как ты в Финскую кампанию в одиночку героически вырезал целый артиллерийский расчет финнов, ну и еще куча подвигов, а представили тебя почему-то не к Звезде Героя, не к Красному Знамени, а только к Красной Звезде. Почему? Да, кстати, а как ты их так резал?

– Ножом, – пожал плечами Пахомов, как-то сразу поскучневший.

– Они что, спали?

– Нет, зачем же... Бегали, стреляли.

– Тогда как?!

– А я их быстро резал, – взгляд стал чистым, почти как у непорочной инокини, и в голосе слышались скромность невероятная и смирение.

– А потому тебе Героя не дали, что тебя с той же батареи финской чуть живого товарищи приволокли! – загремел майор. – И не от ран умирающего, а мертвецки пьяного! И уши ты тогда чуть напрочь не отморозил!

– Одно.

– Что «одно»?!

– Ухо, товарищ майор.

Грозный начальник вдруг широко улыбнулся, достал из коробки папиросу, закурил и, выпуская к потолку клуб душистого дыма, укоризненно покачал головой.

– Вот никакого у тебя почтения и страха перед начальством, а перед тобой, по-армейски если, генерал-майор сидит. А вот тебе, видно, выше армейского лейтенанта никогда не бывать... Ладно... А пригласил я вас, господа, чтобы сообщить пренеприятное известие... Белогорцева, откуда слова?

– «Ревизор» товарища Гоголя, товарищ старший майор!

– Вот, Васильев, она – знает... – Горобец тяжело вздохнул и враз посерьезнел. – Предстоит задание... В тылу врага, понятное дело. Язык вы все знаете. Задание важное, и, не буду скрывать, опасность там большая. Невероятная, можно сказать. Шансы есть, но... В общем, кто чувствует неуверенность, ну там, болезнь какая или просто сомнения, – шаг вперед. Дело добровольное...

Четверка как-то враз подобралась, с лиц испарилась минутная легкая расслабленность, и все вновь замерли по стойке смирно. В кабинете повисла чуть напряженная тишина, затем Горобец прихлопнул крепкой ладонью по столу и удовлетворенно подытожил:

– Ну что ж, иного я и не ожидал... Лейтенант, ведите группу, готовьтесь. Свободны!

...Когда в коридоре затихли шаги бикбаевской четверки, Горобец устало поднялся и подошел к окну. Думая о чем-то своем, пару минут рассматривал пожелтевшую березку, тихо грустившую во дворе, затем неожиданно спросил:

– Васильев, а тебе девочку не жалко?

– В смысле? Простите, не понял...

– Да все ты понял! Вся база знает, что у вас с ней роман – это если по-культурному. А если попросту, то спишь ты с ней... А ведь в группу ты ее включил! Так не жалко девку, нет?

– Я, товарищ старший майор, всякие шуры-муры с делами не путаю, – холодно ответил сержант, собирая со стола папки с личными делами. – Девкой она станет, когда мы немца разобьем, а пока она боец Красной армии – и боец отличный. Она лучшая наша связистка, да и на той стороне вполне могут сложиться ситуации, когда женщина может очень даже пригодиться, – например, часовой на любом объекте в мужика без раздумий стрелять начнет, а красивую девушку охотно подпустит...

– Ну что ж, резонно... Только неправильно это. Мы с тобой в теплых кабинетах чай будем гонять, а она в тыл к немцам полетит... Неправильно.

– Николай Тарасович, как-то даже не ожидал от вас... Если все генералы в окопы кинутся и геройски погибнут – лучше будет? Каждый делает свое дело, товарищ генерал-майор...

4

Восточная Пруссия. Лагерь для военнопленных в районе Просткена

Казенные кабинеты, наверное, в любой стране выглядят примерно одинаково: те же столы, стулья, лампы и письменные приборы, обязательная громада угловатого железного монстра, именуемого красивым словом «сейф». Разве только портреты на стенах разные – в этом, например, висел большой портрет «рейхсканцлера и великого фюрера германской нации» А. Гитлера. Фюрер был величествен и мрачен, словно решительно не одобрял происходящее в этом зарешеченном кабинете, – вместо того чтобы безжалостно уничтожить какого-то там нацмена-унтерменша, с ним беседовали.

За столом расположился полноватый майор, чуть в стороне, закинув ногу на ногу, сидел более молодой мужчина типичной арийской внешности, в зеленоватом мундире вермахта с погонами капитана – словно только что сошедший с пропагандистского плаката ведомства господина рейхсминистра Геббельса. Майор отнял взгляд от каких-то бумаг на столе и холодно-изучающе, с оттенком легкой брезгливости, принялся вновь рассматривать допрашиваемого, безучастно сидевшего на табурете напротив. Прежде чем задать первый вопрос, майор сделал небрежный знак стенографистке, с готовностью нацелившейся отточенным фаберовским карандашом в блокнот.

– Разрешите узнать ваше имя?

– Яков.

– А фамилия?

– Джугашвили.

– Вы являетесь родственником Председателя Совнаркома Сталина?

– Да, я его старший сын.

Майор удовлетворенно кивнул, переглянулся с капитаном и продолжил:

– Я – майор Гольтерс, а это – капитан Ройшле. Мы представляем ведомство адмирала Канариса. Вам известно, что это такое?

– Насколько я понимаю, военная разведка и контрразведка?

– Вы хорошо осведомлены. Прекрасно... Из документов следует, что вы не сдались в плен добровольно, а были захвачены в бою. Более того, вы даже пытались застрелиться, как требуют ваши воинские уставы. Это правда? – интерес в глазах майора стал неподдельным.

– Да, это правда. Но мне, к сожалению, не удалось...

– Вы храбрый солдат, а мы умеем ценить доблесть и верность долгу даже в противнике. Однако захватили вас в гражданской одежде. Почему?

– Наша дивизия была разбита, мы надеялись пробраться к своим, а переоделись, чтобы меньше привлекать внимание.

– Хорошо... Вы можете показать на карте место вашего пленения?

– Вряд ли. У меня не было карты...

– У русских офицеров не было карт?! – брови майора удивленно взметнулись.

– У нас много чего не было... – Яков мрачно усмехнулся. – Моя дивизия считалась одной из лучших, а оказалась совершенно не готовой к войне. Все было неправильно! Ваши бомбардировщики в первые же часы уничтожили почти все наши аэродромы вместе с самолетами, танковые соединения, склады и все остальное. А действия нашего командования иначе как идиотскими и назвать нельзя! У нас даже элементарной связи не было! А карты... Наши мудрые маршалы считали, что в случае войны боевые действия мы будем вести только на территории противника, а это значило, по их мнению, что подробные и толковые карты

своих земель нам попросту не нужны... Били мы врагов народа, да, видно, не тех били, если ваши танки так легко половину нашей армии в блин раскатали за несколько дней...

– Я рад, что вы это понимаете. Вы умный человек, и с вами приятно иметь дело... – Гольтерс цепко следил за реакцией собеседника на предлагаемые вопросы. – Теперь, когда вы на личном опыте убедились в мощи германской армии, считаете ли вы, что ваша Красная армия еще способна оказывать какое-либо сопротивление, которое могло бы повлиять на исход войны?

– Я не знаю реальной обстановки сегодняшнего дня, но думаю, что все еще может наладиться и вам вряд ли удастся одержать легкую победу...

– Наладится?! – майор даже позволил себе улыбнуться наивности этого русского лейтенанта и тут же добавил в голосе металла и легкого торжества: – Доблестные войска нашего фюрера не сегодня завтра войдут в Москву! Вы взрослый человек и прекрасно знаете, что случилось с Европой – с Францией, Чехословакией, Югославией и прочими карликами вроде Бельгии и Дании! То же самое неизбежно будет и с Россией, этим колоссом на глиняных ногах! Да, не скрою – мы сегодня заинтересованы в вашем сотрудничестве. Умело используя ваше имя, мы можем избежать многих бессмысленных жертв с обеих сторон. Поражение вашей армии, а вместе с ней и страны – вопрос даже не месяцев, а недель! Так что очень советую вам подумать! Очень советую, поскольку уже через какие-то считанные дни вы не будете представлять для нас никакого интереса... Итак, господин Джугашвили?

– Я принимал присягу, господин майор, – думаю, вы знаете, что это такое...

– Вы принимали присягу стране, которой уже почти нет!!! Вы хорошо подумали, лейтенант?

– Да, майор. Я не стану с вами сотрудничать. Можете расстреливать...

– О, не-ет! Легкой смерти солдата вы не дождетесь, господин Джугашвили. Я сделаю гораздо хуже – вы будете жить! Но мы вам устроим такую жизнь, что вы каждую минуту, каждую секунду будете корчиться от боли и ужаса и молить о смерти... – Гольтерс нажал кнопку где-то сбоку стола, и в кабинет вошли два молчаливых конвоира и замерли навзбляжку.

– В подвал его...

С первого же взгляда становилось ясно, что в этой каменной клетушке с цементным полом и сводчатым потолком вряд ли проводят веселые пирушки... Тусклая лампочка под потолком едва освещала середину комнаты, но и ее света было достаточно, чтобы разглядеть грязное, напоминающее стоматологическое, кресло в углу, столик с какими-то «инструментами» – предназначенными явно не для лечения, пятна подсохшей крови на полу и коренного ефрейтора в форме с засученными рукавами и в фартуке наподобие мясницкого. Ефрейтор, напомилавший раскормленную крысу, выжидательно глянул на майора, затем на пленника, и Яков был готов поклясться, что увидел в белесых глазках блеск азарта голодной крысы или хорька, мечтающих вонзиться в горло тщедушному цыпленку... Очень легко кричать о стойкости и негибкости большевика и настоящего солдата с красивой трибуны, но те же самые слова в таком вот подвале выглядят просто издевательством и плохой шуткой. Их бы, болтунов влелеречивых, выдернуть из теплых уютных кабинетов, из-под надежной охраны храбрых ребят в васильковых фуражках, да сюда на часок-другой...

– Вижу, вас впечатляет наш Густав и этот милый профилакторий, – голос Гольтерса стал почти ласковым. – А Густав прост как лесоруб и грубоват бывает, что уж скрывать... Вы подумайте еще минутку... Поспешные решения не всегда верны... Итак?

– Я постараюсь... – Яков почувствовал, как волна мерзкого холода и безысходности поднялась откуда-то снизу, наполнила грудь и шевельнула волосы на затылке, – не изменить присяге...

– Ну что ж... вы сделали свой выбор, – майор резко повернулся и, раздраженно хлопнув дверью, выскочил из подвала.

Несколько минут тягостной тишины прервал негромкий голос капитана:

– Напрасно вы так, Яков Иосифович... Гольтерс из породы фанатиков, и не дай вам бог узнать, какие из фанатиков страшнее – большевистские или национал-социалистские... Единственное, чего вы добьетесь своим упрямством, – майор отдаст вас Густаву, этой тупой свинье. Знаете что... А идемте-ка мы с вами на свежий воздух! – затем Ройшле небрежно бросил в сторону ефрейтора: – Я забираю его. Под мою ответственность...

Вновь увидев солнце, зелень травы и деревьев, Яков едва смог сдержать радостный вздох хотя бы временного облегчения, что не ускользнуло от внимания капитана, на губах которого мелькнула понимающая улыбка. Неспешно и молча прошли полсотни метров по посыпанной кирпичной крошкой дорожке, затем Ройшле произнес с легким оттенком брезгливости в голосе:

– Вот, полюбуйтесь... Забавно, не правда ли?

На огороженном колючей проволокой обширном участке вповалку лежали, стояли, прохаживались сотни, а может и тысячи, грязных, обросших, оборванных и изможденных бойцов в красноармейской форме. Точнее – бывших бойцов. Сейчас это были просто несчастные и голодные люди, которые по законам войны считались военнопленными.

Вдоль проволоки лениво прохаживались часовые с огромными овчарками на поводках, а по углам периметра возвышались вышки, на которых виднелись пулеметы и прожектора. Кто-то из немецких солдат бросил в толпу пленных несколько окурков и полбуханки эрзац-хлеба. В гуще людей мгновенно вспыхнула потасовка: те, кто посильнее да поудачливее вырывали друг у друга вожаемые «пару затяжек» и кусок почти настоящего хлеба. Те, кто послабее, бросали на «счастливиц» полные голодной тоски и зависти взгляды. Для немцев же подобные стычки, видимо, становились бесплатным концертом, во время которого солдаты взрывались радостным гогомом и даже делали ставки на того или иного «крепыша», подбадривая «бойцов» криками вроде «давай-давай, руссише швайхунд, попляши, лос!!!»

– Ужасно, правда? Вы ведь не хотите туда, Яков? – над ухом так неожиданно раздался вкрадчивый голос Ройшле, что Яков вздрогнул, что опять же не укрылось от капитана. Пройдя еще немного в сторону, капитан указал на крепкий, добротный забор, за которым прогуливались тоже люди в военной форме, но выглядели гораздо чище и ухоженнее, да и охрана была чисто символической – на вышке скучал всего лишь часовой с винтовкой.

– Там содержатся англичане, французы и прочие... А знаете, почему у них все иначе и кормят их трижды в день? Им выдают сигареты, они даже посылки по линии Красного Креста получают... А потому, уважаемый Яков, что их страны подписали конвенцию о военнопленных, а ваша – нет! Ваш... лидер на весь мир заявил, что в Красной армии нет и не может быть военнопленных, а есть только... знаете кто? Предатели Родины! Для всех ваших вы, товарищ Джугашвили, – предатель! Вот вы, умный, образованный человек, неужели вы не понимаете, что Советам конец?! Вы же сами видели, как наши танки вдребезги разнесли, раздавили этот гнилой советский сарай по имени СССР, на весь мир кричавший о «могуществе и преимуществах советского строя»!

– Я уже говорил: я останусь верен присяге...

– Черт вас возьми, о какой присяге вы толкуете? «Я, сын трудового народа...» – так там у вас, кажется? Да какой вы сын народа?! Вы – сын вождя, и мы могли бы...

– Нет...

– Ну, на нет и суда нет, как говорят у русских... Идемте! Вы сделали свой выбор...

Обратный путь пролегал мимо все того же «плаца» с русскими пленными. Яков смотрел на людей, еще вчера бывших его товарищами, сослуживцами – частью огромного и могучего организма, именуемого РККА. А сегодня он идет рядом с немецким офицером, и со

стороны, наверное, кажется, что они мило беседуют... Яков ловил на себе неприязненные и откровенно ненавидящие взгляды. Стоп... Это же... ну точно – Тохадзе! Жив, джигит! Что он там за знаки делает? Как будто карты тасует... теперь сдает колоду...

– Что вы там высматриваете? Знакомых увидели? – мгновенно напрягся капитан.

– Да нет... Просто не верится, что все это происходит наяву...

– Наяву, господин Джугашвили! Наяву! И, смею вас заверить, «проснуться» вам не удастся! Боюсь, уже никогда... Очень неприятное слово, не правда ли?..

5

Транспортный «юнкерс» с аккуратными белыми крестами на крыльях ровно гудел мощными моторами, продираясь сквозь сильную облачность, и, то набирая максимальную высоту, то опускаясь почти до нижней кромки облаков, упорно следовал курсу, проложенному штурманом, знающим свое дело. Небольшая странность была разве что в том, что транспортник люфтваффе преспокойно летел над советской территорией и никто не спешил ловить его в перекрестья лучей мощных прожекторов и обстреливать из скорострельных зениток. Более того, «юнкерс» заботливо эскортировали два советских истребителя И-16, любовно именуемые летчиками «ишачками», которые не делали ни малейших попыток ни принудить чужака к посадке на русский аэродром, ни всадить в дюралевого бока хорошую очередь из пулеметов или парочку выстрелов из авиапушек. И последняя странность заключалась в том, пожалуй, что шел транспортник на запад.

...На откидных металлических скамейках вдоль ребристого дюралевого борта расположились всего четверо, хотя десантно-грузовой отсек «юнкерса» мог вместить гораздо большее число десантников. Сумрачная полутьма отсека освещалась лишь неяркой лампой над дверью, ведущей в кабину пилотов, и не позволяла рассмотреть четверку в комбинезонах десантников Ваффен СС с громоздкими «рюкзаками» парашютов за спиной. Кроме парашютов можно было увидеть умело притороченные немецкие автоматы MP-40 со складным прикладом, созданные конструкторами специально для десантников, ножи на брезентовых поясах, подсумки и прочую мелочь. На полу вместе с бойцами ждал будущего десантирования небольшой грузовой контейнер с боеприпасами, рацией и многим другим, необходимым в тылу врага. Среди «многого другого» были и запасные комплекты серого полевого обмундирования Ваффен СС, и даже фирменные поясные ремни, на пряжках которых вместо обычного вермахтовского «Gott mit uns»¹, красовался эсэсовский девиз: «Meine Ehrehsst Treue»²...

...Рев двигателей на секунду взлетел на более басовитую ноту, и «юнкерс» мягко ухнул в очередную воздушную яму, вызывая у десантников мерзкое чувство пустоты в животе.

– Тьфу, черт, елкину маму! – от души выругался один из парашютистов, помяная недобрым словом и самолет, и летчиков, и само небо с «дырками».

– Еще слово по-русски услышу – парашют отберу, а прыгать все равно заставлю! Усек?!

Провинившийся коротко кивнул, соглашаясь, но не выдержал, усмехнулся и прокричал, наклоняясь к уху строгого командира:

– Вряд ли немец нас услышит, даже если мы во всю глотку «За Родину, за Сталина» орать начнем...

В ответ командир поднес к лицу весельчака кулак, на что тот слегка поднял руки и молча кивнул. Бикбаев вновь окинул взглядом подчиненных, слегка выдавая вечное беспокойство хорошего командира – все ли в порядке, все ли на месте... В чем немцы все-таки знают толк, так это в настоящем порядке, когда «все, что должно, совершается именно так, как должно», с чувством, с толком, с расстановкой, без наших милых русскому сердцу разгильдяйства и спешки – «Ordnung muss sein!» Так, ну у Попа вроде все нормально, за этого парня можно быть спокойным – у самого черта хвост незаметно отрежет и штоф с горилкой сопрет!

Белогорцева... Была лучшей в разведшколе во всем, что касается связи. Наши радиоприемники, рации, немецкие «Телефункен» и «Блаупункт» – работает со всеми, можно ска-

¹ С нами бог.

² Верность – моя честь.

зять, с закрытыми глазами. На ключе рации – побыстрее дятла будет. И девушка красивая, и даже имя царское – Елизавета. Немного перебарщивает в «готовности отдать жизнь за Родину и в ненависти к врагу», но это не велика беда, это она по молодости да от избытка комсомольского воспитания, хотя для нас главное-то как раз не «отдать жизнь» – на это много ума не надо, а выполнить задачу и вернуться живыми – всем...

Титаренко Василь. Украинец из крохотного местечка, затерявшегося где-то под Полтавой. Парень надежный во всех отношениях, разве что молчун и самую чуточку тугодум – но это в нем от крестьянской основательности. Да это и неплохо – не всем же весельчаками да болтунами быть... Подрывник Василь, что называется, от Бога... В рукопашной, правда, слабоват, но это и не его дело – у них с Белогорцевой другие задачи, а немцам глотки резать в случае чего есть кому, тут уж против Попа и редкий «чистильщик» из спецгрупп НКВД по борьбе с немецкими диверсантами-парашютистами устоит! Да и устоит ли – Лешка паренек резкий... Ну что ж, группа подобралась вполне... Хотя и делалось все в спешке – всего сутки-то и дали на подготовку да на инструктаж. Но тут, как говорится, у войны да у командования свои законы, они не спрашивают, они приказывают... А мы как пионеры – всегда готовы, да и что там особенного готовить... нищему собраться – только подпоясаться...

Бикбаев мощным немецким фонариком со светофильтрами подсветил карту, заложенную в целлулоидное окошко офицерской сумки-планшета. Так, вот он, этот Просткен... поселок, по-польски «гмина»... или «фольварк»?.. Нет, фольварк – это вроде бы хутор... Так, высаживаемся, сбор, затем следуем вот сюда... тут на окраине дом связника. Подпольщик – слово-то какое несерьезное... Вот антифашист – это то! Проверяемся, потом выходим на связь, получаем дальнейшие инструкции... Если не будет никаких особых указаний, то действуем по разработанному плану освобождения «объекта особой важности» – командир даже в мыслях старался лишней раз не произносить имя человека, являвшегося сыном... самого товарища Верховного Главнокомандующего... Сколько еще лету до этой чертовой гмины? Пора бы...

Словно в ответ, в отсеке взвыла сирена и замигал фонарь над дверью, которая тут же отворилась, и к десанникам, уже поднявшимся со своей скамейки, вышел штурман, что-то прокричал на ухо командиру группы, постучал по наручным часам и ловко зацепил вытяжные карабины парашютов за тросик, протянутый под потолком. Затем штурман с усилием открыл дверь, и в отсек мощной волной ворвались вой, шум, свист ветра и рев двигателей... Команда «Пошел!» в этом шуме была еле слышна, и штурман по очереди просто ударял каждого бойца по плечу – мол, давай! Ударял, давая команду, подбадривая, а может быть, и прощаясь...

6

Восточная Пруссия. Лагерь в районе Просткена

Небольшой кирпичный завод издали напоминал неуклюжий дредноут времен Первой мировой – невысокий, массивный, с тремя чадившими густым черным дымом трубами. Вот только бравых матросиков на борту этого «дредноута» увидеть не удалось бы, поскольку работали на заводе русские военнопленные, на веселых балтийцев сейчас совсем не похоже. Кругом грязь, горы глины и песка, вагонетки, поддоны с готовой продукцией... Здесь легких работ не было – разве что на сколачивании и ремонте деревянных поддонов, на которые укладывались еще теплые кирпичи, выходившие из железных ворот массивных печей для обжига. Самым страшным считалось попасть в бригады, загоняющие вагонетки с сырыми кирпичами в пышущее неугасимым чадным жаром нутро печей и выгружавшие кирпичи готовые. Мастера в целях повышения «вала» не разрешали ждать, пока печь хотя бы немного остынет, и военнопленным приходилось гореть на работе отнюдь не в переносном смысле, а буквально – от невыносимого жара трещали волосы на голове, частенько вздувались волдыри на коже, а руки у многих в считанные дни превращались в сплошную рану.

На воротах этого завода, при котором и существовал лагерь, не было лозунгов вроде «Arbeit macht frei!»³ и «Jedem das seine!»⁴, но четкое разделение на касты соблюдалось неукоснительно, истинно с немецкой тщательностью... На вершине пирамиды стоял комендант лагеря – лагерфюрер. Затем, по нисходящей, шли заместители, офицеры, командовавшие солдатами из команды охраны, и еще масса более мелких «фюреров». Далее следовала каста «неприкасаемых» – пленные, среди которых самая незавидная участь выпадала на долю русских. Поскольку военнопленные жили в ими же построенных дощатых бараках, то из их среды были выбраны старосты бараков, десятники рабочих бригад и прочие «капо», призванные следить за порядком, отвечавшие за качество и добросовестность выполнения пленными порученных работ. В самом деле, не может же немецкий солдат или инженер жить в одном бараке с недочеловеками-славянами! Да и для офицеров было особым удовольствием наблюдать, как из вчерашнего «верного сталинца» путем совсем несложных манипуляций получается услужливый, трусливый раб, преданный великому Третьему рейху, готовый за пару сигарет и лишнюю миску баланды порвать глотку своим вчерашним товарищам...

– Тебе, сука, сколько раз уже было сказано, чтобы ровнее укладывал! Ты что, не видишь, что штабель сейчас развалится?! – десятник подскочил к толкавшему вагонетку с поддонами заключенному и несколько раз хлестнул его тяжелой плеткой с вшитым в кончик хлыста кусочком свинца. Пленный пригнулся, закрылся руками, пытаясь спрятать лицо и уклониться от ударов, и начал что-то торопливо причитать в свое оправдание. – Это тебе не в советском колхозе груши околачивать! Это там ты мог по целым дням махорку смолить да глотку драть на собраниях! Здесь тебя научат работать... А то что-то огонька не вижу, стахановцы, мать вашу... Спите на ходу, дармоеды! Еще одно замечание – доложу господину унтершарфюреру, и пойдешь в печь! Понял, сука красная?! Не слышу! Не так! Забыл, как положено?! «Так точно, господин капо!» Ну?... Еще раз! Еще!!!

Стоявший неподалеку охранник с автоматом с интересом и молчаливым одобрением наблюдал, как один унтерменш лупит плеткой другого, и в очередной раз думал о том, что великий фюрер был тысячу раз прав, когда говорил, что этих недочеловеков нужно умело натравливать друг на друга, и тогда для великой германской армии останется совсем немного

³ Труд делает свободным.

⁴ Каждому свое.

работы. Эсэсовец негромко произнес: «Ком!» и поманил десятника пальцем. Шорохов оставил пленного и, живо подскочив к немцу, встал навтыжку и бодро что-то отрапортовал. Эсэсовец снисходительно проквикал что-то свое, похлопал старательного капо по плечу, вытащил из кармана портсигар и, слегка поразмыслив, выдал отличившемуся две сигареты:

– Gut... Weg! Arbeiten!

– О, падла, как старается... Слушай, Тохадзе, а чего немцы его к стенке сразу не поставили? Они ж комиссаров да евреев разом... – молодой паренек, усердно присматривая за лентой транспортера, на которой плыли сырые кирпичи из формовочного цеха, с ненавистью посмотрел в сторону десятника и вновь обратился к мрачному усачу, работавшему рядом. – А правда, ребята поговаривают, что вас вместе в плен взяли?

– Правда, – кивнул Тохадзе, не отрывая взгляда от Шорохова, коршуном поглядывавшего на рабочих, выискивая новую жертву. Младший лейтенант попытался вновь вспомнить тот последний, памятный бой... Какая-то кровавая и бестолковая суматоха, хотя пару-тройку немцев он тогда вроде бы положил! Крепко его тогда стукнуло, но память все же сохранила обрывочные неясные картинки. Как Якова взяли, не видел, а вот как эта сука к немцам на карачках ползла и причитала: «Нихт шиссен!» – это хорошо помнилось... – А потому и не шлепнули – видишь, как суется, ножками сучит, сигаретки зарабатывает, гнида...

– А правда, что тогда с вами и сына товарища...

– Язык прикуси, биджо... Потом, батона, все расскажу... – Тохадзе оглянулся – немцев поблизости не было. Тогда лейтенант отыскал взглядом кого-то из рабочих, чуть заметно кивнул и скомандовал молодому напарнику: – Давай к вагонеткам...

У самых ворот печи для обжига огнеупорного, особой прочности кирпича раздались возмущенные крики и шум – явно затевалась драка среди заключенных. Шорохов, предвкушая новое, такое приятное развлечение, ухмыльнулся и, напуская строгость на лицо, неторопливо направился к нарушителям спокойствия и трудовой дисциплины. Как любит повторять лагерфюрер – «Орднунг мусс зайн!» Почему-то вспомнились слова, что сказал батя когда-то в тридцатом, когда пришел домой в чужом новом тулупчике и выложил на стол большущую краюху, кусок сала в тряпице и шлепнул по столешнице бутылкой хорошей, прозрачной самогонки: «Вот, учись, сына! Каждый жрет свой хлеб, а кто поумнее – еще и чужого прихватит! Держись поближе к власти – любой! – и всегда сыт будешь, и людишки к тебе со всем уважением... Кто я был? Да тьфу! – пастух и пьяница. А теперь я, как я есть самый пролетарский элемент, в сельсовете заседаю. Власть! И тех, кто вчера плевать на меня брезговал, я сегодня в бараний рог гну!.. Раньше они меня и Гришкой-то разве что по праздникам большим обзывали, а теперь кланяются, суки, да Григорием Филипповичем величают! Во как...» Прав был батя, ох, прав! Не гляди, что простой пастух, а большого ума был человек! Умному да хитрому при любой власти можно жить сладко...

– А ну стоять! Что, здоровья до хрена? На драку потянуло? – Шорохов обвел враз притихших пленных тяжелым взглядом... Где-то тут эта падла крутилась – Тохадзе. Он все тогда видел, наверное, хоть и раненый был. Не сдох, собака, выжил, и ранение ничем – как конь здоровый, работает... Давно его пора к ногтю, да все руки не доходили да случая не было. Счас за все посчитаемся, товарищ младший лейтенант... Ну тут же был! Где ж ты, кацо?..

Каленый темно-красный кирпич с силой глухо стукнул Шорохова сзади, и мир, где вновь удалось так удачно пристроиться, взорвался, вспыхнул и... наступила тьма.

– Быстро! На вагонетку его давай... Да быстрее же вы! Не дай бог, шарфюрер вернется – тогда всем хана! Без всяких следствий и судов на месте пристрелит – у них это быстро...

Трое военнопленных мгновенно уложили тяжелое, бесчувственное тело бывшего политрука на днище площадки-вагонетки и торопливо заложили сырыми кирпичами – с

виду получился самый обычный штабель, готовый к отправке в печь. Молодой парнишка с приметным шрамом вдоль щеки подхватил с земли плетку и засунул куда-то в глубь штабеля:

– Во, а то ему там без инструмента скучно будет... Опять же – как ее... улика!

Вагонетка неторопливо вкатилась в огнедышащее нутро печи вместе с десятком таких же штабелей, и железные двери вновь наглухо закрылись. Зашумели моторы поддувов, резко поднимая температуру, и жадное до работы пламя деловито начало прожигать темно-красную глину кирпичей-сырца до звонкой крепости хорошей керамики...

Тохадзе устало вытер мелко трясущейся ладонью горевший лоб и переглянулся с товарищами.

– Зараза, сил совсем нет... руки ходуном. Он там что-то про огонек болтал? Ну вот ему и огонек... Там печка-то не обычная, а помощнее раза в два! Даже костей не останется... Больше некому подтвердить. Кстати, про болтовню... Вы всё понимаете, но все-таки напомним: ляпнет кто слово – и амба! И нам всем конец, и делу нашему. Эх, братцы, закурить бы...

7

Бикбаев шагнул в ревущий черный проем двери последним... Одно дело, когда ты упругими шагами взлетаешь на верхнюю площадку парашютной вышки, чуть ли не с высоты птичьего полета смотришь на раскинувшийся под тобой город, потом с замиранием сердца делаешь короткий шаг, затем провал, мягкий рывок – и ты плавно опускаешься на землю, оказывается, до обидного близко. Кругом шумит парк культуры и отдыха, звучит музыка, теснятся тележки с мороженым и газировкой, гуляют степенные отдыхающие и веселые стайки молодежи и ребятишек. Ты отстегиваешь лямки подвесной системы и, ловя на себе затаенно-восхищенные взгляды девушек в веселых крепдешинных платьях, незаметно втягиваешь живот и расправляешь плечи. На груди, естественно, комсомольский значок, БГТО на красивой цепочке и «Ворошиловский стрелок». Орел!..

И совсем другое – настоящий боевой прыжок в тылу врага... Нет внизу, в беспросветной темноте, ни партизанских костров, ни, тем более, веселых девушек и музыки. Там может оказаться и озеро, и болото, и лес. А если штурман ошибся хотя бы на минуту-другую в расчетах, то внизу вполне могут встретить и «Tigerfanger-тигроловы» из СС и прочие «ягдкоманды» – спецы по уничтожению английских и русских парашютистов. Бравые ребята в пятнистых комбинезонах с неутомимыми собаками на поводках могут тихо спеленать неудачливого десантника, а могут и без особых затей просто расстрелять еще в воздухе, привычно взяв упреждение «на два корпуса»...

...Шум ветра и мерзкое ощущение «свободного падения», когда внутренности вместе с сердцем то подкатывают к самому горлу, то проваливаются куда-то в пятки, а в мыслях мелькают всякие гадости вроде «Счас шмяк – и мокрое место!», прервался тугим рывком раскрывшегося парашюта, и Бикбаев, привычно глянув вверх, убедился, что с куполом все нормально – расправился полностью и стропы не перепутались. Та-ак, остальные где? Ага... раз, два, три... все! Четвертое смутно белеющее пятно – парашют грузового контейнера. Пока все по плану – «Ordnung muss sein!» Gut, Маня! Пора... Командир сгруппировался, напрягнул чуть согнутые ноги и по-новому перехватил лямки парашюта, скрестив руки перед лицом – если внизу лес, то встретить могут не только мягкие лапки елей, можно и на добрый сук напороться... Земля, как обычно, выпрыгнула навстречу внезапно, купол зашуршал-заскользил по ветвям деревьев, затрещали какие-то кусты, и ноги неожиданно мягко ткнулись в слой мха. «Ну, слава Аллаху – ноги целы! А могли бы и на камни...»

Бикбаев прислушался, затем резкими рывками сдернул предательски белевший в лесном мраке купол и свернул скользкую ткань в тугой комок. Вновь прислушался – вроде справа легкий шум... Командир растянул губы и очень похоже изобразил тревожный писк мышки, почуявшей вблизи страшную лису или иного врага вроде еще более страшной и беспощадной совы. В ответ раздался такой же тихий писк – из полутьмы неслышно вынырнул Титаренко, еще через пару отчего-то вдруг томительно-тревожно растянувшихся минут к месту сбора так же тихо пришел взмокший Пахомов, тащивший на плече грузовой контейнер. Белогорцеву пришлось ждать минут десять. Радистка подошла чуточку прихрамывая, виновато взглянула на командира группы и тихо, почти шепотом, произнесла:

– Ребята, парашют за сучки зацепился... высоко... еле сорвала! И нога что-то...

– Идти-то можешь? – так же тихо спросил Бикбаев и после торопливого кивка Белогорцевой опустился на колени, прикрылся плащ-палаткой и, раскрыв планшет, скользнул фонариком по уже выученным наизусть линиям. – Так, мы сейчас вот здесь... До усадьбы километра полтора-два... Прячем мой купол, разбираем грузовой и – вперед. Так, первым идет Поп, потом Титаренко и Лиза, я – замыкающий. Кто наступит на сухой сучок – пусть лучше сразу вешается! Все, пошли...

...Частенько мы путаем понятия «разведчики» и «диверсанты», а то и складываем их вместе, хотя задачи у них абсолютно разные. Считается, что разведчики проникают в тыл врага, режут-стреляют там всех подряд, а когда слегка утомятся, то хватают на плечо зверски матерящегося языка-генерала и, героически отстреливаясь, торопливой трусцой возвращаются к своим. На деле же высшим пилотажем войсковой разведки считается незаметное проникновение в тыл врага, выполнение задачи по сбору информации, добыванию языка или другой какой работы – причем все это абсолютно бесшумно, без единого шороха и выстрела – и возвращение к своим без малейших потерь. То же и у диверсантов: проник – взорвал – вернулся без потерь. Вот только война – это не учения на песочке в «командирском ящике»... Солдат хороших и по-настоящему толковых в армиях бывает не так уж и много. В разведку отбирают лучших, и все равно нужны годы, чтобы подготовить аса, мастера, настоящего матерого волка. А этих лет, как правило, никогда не хватает... И часто из разведывахода возвращаются не все. Бывает – никто... Одна из самых страшных вещей на войне – рукопашная, когда лицом к лицу, грудь к груди, когда в ход идут и автоматы-пистолеты, и ножи, и саперные лопатки, и просто руки-ноги... и зубы. Но еще страшнее, когда на нейтральной полосе судьба сталкивает две разведгруппы с разных сторон... Матерые волки сталкиваются нос к носу и, яростно хрипя, начинают резать и рвать друг друга. Молча. Без всяких «мать вашу, падлы», «шайзе» и «ферфлюхте вольфен». И выживают далеко не все. Бывает – никто...

...Окраина поселка начиналась практически сразу за оборвавшейся опушкой леса. Аккуратные, добротные дома и хозпостройки ничем не напоминали расхристанные усадьбы российских крестьян – никаких сломанных заборов, прохудившихся и покосившихся крыш, никаких куч навоза, старых досок и прочего хлама. С первого взгляда было видно – живут здесь люди зажиточные и хозяйственные, живут прочно. Сарай – и те многие сложены из камня-валуна, крыши домов – под железом. Своя земля, дом, хозяйство – все строилось-устраивалось не на один день-год – на века...

– Вон его дом... – Бикбаев рассматривал в бинокль окна дома, потом скользнул взглядом по хозпостройкам. – Ага, хомут висит на стене сарая – значит, все чисто... Подходим к дому, там для Белогорцевой работа будет... Вперед.

– Сказал бы мне кто еще вчера, что моя жизнь от старого хомута будет зависеть, – еле слышно проворчал Пахомов, на что Бикбаев свирепо ощерился и чиркнул ладонью по горлу.

– Ja wohl, Herr Untersturmführer! Да все, все – молчу...

Совершенно бесшумно Белогорцева подключилась к телефонной линии, приложила микрофон к уху и несколько минут слушала – что же происходит в доме...

– Радио слушает... Ходит по дому, что-то говорит – сам с собой... – еще минут через пять Лиза уверенно шепнула командиру: – Один он в доме. Точно один...

– Тогда звони давай!

Белогорцева набрала номер на своем «агрегате», напомиравшем обычную монтерскую трубку с диском и крокодильчиками-зажимами, дождалась, когда хозяин снимет трубку, и милым голоском осведомилась, «нельзя ли пригласить к аппарату фрау Берг?». На что хозяин дома по-европейски сдержанно ответил, что «весьма сожалеет, но ничем юнгфрау помочь не может – никакой фрау Берг здесь нет. Вероятно, юнгфрау ошиблась номером...»

– Порядок, можно идти. – Командир опустил бинокль, в который наблюдал за окнами дома, – беленькие занавесочки были задернуты неплотно, и Бикбаев отчетливо видел, как мужчина вполне спокойно подошел к телефону и разговаривал. Рядом никого не было.

Во двор дома вошли двое в форме Ваффен СС, уверенно поднялись на высокое крыльцо под островерхим навесом и негромко постучали в дверь. Вскоре за дверью послышались неторопливые шаги и слегка удивленный голос спросил: «Кто здесь?»

– К нам поступил сигнал, что вы не сдали радио, вопреки приказу властей!

– Господа, – голос звучал уверенно и спокойно, – у вас неверная информация – свой «Блаупункт» я сдал еще в июне! Вы можете войти и удостовериться...

Дверь с легким скрипом распахнулась, и на крыльце появился немолодой худощавый мужчина с пышными кайзеровскими усами. Пытливо глянув на незваных гостей, молча кивнул, приглашая в дом. Пахомов, нимало не смущаясь, уверенно проскользнул мимо хозяина, мигом проверил все комнаты и, возвратившись, кивнул Бикбаеву – «Чисто!»

Титаренко напряженно всматривался в смутно темневшие на фоне зарождающегося серенького рассвета силуэты домов и, нервно сжимая в руках автомат, ждал условного сигнала. Или – чего другого, когда тишина взрывается выстрелами, криками и лаем собак.

Наконец в полутьме пару раз мелькнул зеленый свет фонарика. Титаренко тихо выдохнул с нескрываемым облегчением и шепнул связистке: «Все нормально, идем...»

– Вот это план концентрационного лагеря. Это территория завода, тут – казармы солдат и комендатура... Комендант – капитан СС, но охрана набрана из обычных солдат вермахта, эсэсовцев там очень мало, – хозяин явочной квартиры расстелил на столе с истинно немецкой тщательностью вычерченный план просткенского лагеря. – Теперь о вашем «объекте». Наши товарищи говорят, что его...

Слова хозяина прервал негромкий, но отчетливый шум подъехавшей машины. Пахомов, наблюдавший сквозь занавески за улицей, увидел, как у соседнего дома остановился угловатый автобус с зашторенными окнами, дверь автобуса распахнулась и двое в штатском торопливо направились к соседнему дому, из которого уже выскочил хозяин и что-то начал говорить, горячо жестикулируя и показывая на дом, в котором скрылись ночные гости. Пахомову на какой-то миг даже показалось, что селянин показывает пальцем именно на него, хотя ничего увидеть сквозь занавески да еще и в полутьме тот, естественно, не мог.

– Герр унтерштурмфюрер, кажется, у нас новые гости... – Пахомов, не отрывая взгляда от автобуса и троицы, расстегнул кобуру Вальтера Р38 и поудобнее перехватил автомат.

Бикбаев поднял тяжелый, неприятный взгляд на хозяина, тот испуганно замотал головой из стороны в сторону и быстро-быстро зашептал какие-то оправдания. Командир нарочито медленно сложил листок и положил план в карман, затем скользнул к окошку и встал с другой стороны, прижимаясь к косяку. Осторожно выглянул во двор.

– Ruhig, bitte... Тихо... Не паникуй раньше времени.

8

«Schmutzige jüdische Tuches! Лагерь давно уже должен спать, а эти свиньи все еще стоят на плацу... – пулеметчик со сказочно-забавным прозвищем Маленький Ганс отчаянно скучал на вышке и время от времени поворачивал корпус прожектора, поводя ярким лучом вдоль проволочного ограждения и по территории лагеря. – Вечерний апель-плац должен быть закончен, капо должны разогнать заключенных по блокам... Во всем должен быть порядок! Так нет – какому-то кретину удалось бежать! А теперь из-за этого уroda в лагере суматоха, проверки и обыски. Возможно, его свои же товарищи и пристукнули за кусок эрзац-хлеба или из-за окурка сигареты. Но тогда где труп? Трупа нет, значит, сбежал – дело ясное, как блюдо с айсбаном!.. Даже на гармошке, черт побери, не сыграешь, а ведь как-то сам господин комендант похлопал меня по плечу и сказал, что когда я играю на гармонике – он знает, что в лагере все спокойно! И даже пообещал, что я скоро могу стать ефрейтором. Это было бы здорово... Я иду по улице родного городка, у меня отпуск, встречные простые солдаты вытягиваются во фронт и отдают честь! Господин ефрейтор! Это вам не Маленький Ганс-простофиля. Младший братишка прямо-таки лопнет от зависти, а как будет гордиться бравым сыном-ефрейтором мама! Говорят, что даже сам великий фюрер когда-то был ефрейтором!..

Пулеметчик еще разок прошелся лучом прожектора вдоль колючки и на всякий случай протер казенник своего MG тряпочкой – мало ли что, вдруг тревога. Внизу раздались громкие команды, заключенные зашевелились и поблочно начали расходиться, сопровождаемые внимательными взглядами охранников и лаем огромных овчарок. Ганс мысленно усмехнулся – вы бы так до побега старались, дармоеды... Ну и славно – значит, скоро можно будет и поиграть парочку-другую милых швабских песенок. А вот в тех окнах все еще свет горит – говорят, там какие-то ребята из абвера военнопленных вербуют в диверсанты, а потом забрасывают их в тыл к русским... Нет уж – ни русский тыл, ни Восточный фронт нам не нужен, тем более что скоро русским так и так конец...

– ...Как эти кретины из СС могли его проворонить?! – негодовал Гольтерс, стоя у окна в уже поднадоевшем кабинете с неизменным портретом фюрера на стене. – Приказы издаются для того, чтобы их неукоснительно выполняли! Если велено расстреливать комиссаров, цыган и евреев – значит, их надо расстреливать! А этот болван комендант еще и посмеивался: «Я могу перевоспитывать даже комиссаров! Посмотрите, майор, как лихо он лупит плеткой своих вчерашних камрадов...» А вот с гораздо большим удовольствием я посмотрю, как этот самовлюбленный болван посмеется теперь, когда комиссар обвел его вокруг пальца и совершил побег! Уж будьте уверены, Ройшле, я не премину написать обо всем случившемся подробнейший рапорт и отправить его в Берлин! И не только адмиралу Канарису...

– Я бы не спешил, господин майор, – осторожно возразил капитан. – Стоит ли нам ссориться с комендантом лагеря? Наша работа еще не закончена... А вдруг его убили заключенные? Вы ведь прекрасно знаете, что изменников и предателей нигде не любят, а уж таких ретивых, каким был «наш комиссар»...

– Не смешите меня, капитан! Получается, что они его убивали, а он молчал и улыбался, и никто ничего не видел? Так не бывает... А вот если среди пленных был сговор, то ему могли помочь бежать, и поэтому-то все молчат. Круговая порука – так это, кажется, называется... А бежать он мог даже очень просто: товарищи аккуратно упрятали его в готовый к отправке штабель кирпича, и наш комиссар сейчас, вполне возможно, находится в сотне километров от лагеря! Нет, а все-таки я бы сейчас не отказал себе в удовольствии еще разок взглянуть на растерянную рожу господина коменданта... Упустить комиссара из-под самого носа!

В дверь деликатно постучали, майор недовольно поморщился и ответил: «Да!» В кабинет бочком вошли двое заключенных, опасливо озираясь и неуклюже кланяясь. Сопровождал «посетителей» фельдфебель из охраны.

– Вот эти двое, господин майор, утверждают, что имеют важные сведения о пропавшем заключенном, – солдат подтолкнул явно робевших пленных на середину кабинета.

– Хорошо. Вы можете идти... – Гольтерс тяжелым взглядом долго рассматривал обоих, затем кивнул и сухо продолжил: – Also... Итак, что вы можете сказать?

– Господин офицер, мы вот... мы вместе все видели! – молодой солдатик со шрамом на щеке переглянулся с товарищем, и тот молча подтверждающее кивнул. – Эта крыса красная давно побег замышляла! Они все с этим усатым... ну как его... с Тохадзой шептались. Этот усатый и побег приготовил, точно вам говорю!

– Шрам откуда? Старый... – неожиданно спросил майор.

– Чего? – растерянно заморгал молодой. – А, это... Это меня в лагере суки полоснули чуток!

– Суки? Was ist das, Roischle? – Гольтерс недоуменно повернулся к капитану.

– Русские уголовники так называют «ссучившихся» – тех, кто сотрудничает с лагерной администрацией, тех, кто изменил блатному сообществу... – по-немецки объяснил капитан.

– Nun gut! Теперь конкретно и ясно: кто шептался, о чем шептался и прочее...

– Так они и шептались – Тохадза этот и сука эта, комиссар!

– Комиссар стал капо и не раз довольно сильно избивал именно Тохадзе! Они ненавидели друг друга, хотя и попали в плен вместе...

– Так а я что говорю?! Я своими ушами слышал, как эта сука, ну, комиссар этот, все приговаривал Тохадзе – мол, ты молчи себе в тряпочку, это же хорошо, что они не знают! Я к своим пробьюсь – тебе-то рисковать нельзя! – и до самого товарища Сталина дойду, а тебя вызволю! А они, мол, ну, то есть вы, пусть пустышку тянут и этого обормота трясут... А ты, мол, главное, не высовывайся! А что бил он его – так это вроде понарошку, для отвода глаз...

– Ройшле, что он несет? Вы что-нибудь понимаете?

– Кажется, понимаю, господин майор... Вы позволите задать им пару вопросов?

– Да, конечно, капитан, – Гольтерс задумчиво барабанил пальцами по крышке стола.

– Вы утверждаете, что Тохадзе и есть Яков Джугашвили, так? Что конкретно навело вас на эти мысли, кроме того, что он шептался, как вы говорите, с комиссаром?

– Да вот он видел, как грузин этот фотокарточку доставал и все смотрел, смотрел... А на фотке той он сам с мамашей и Сталин – как живой! Было? – молодой повернулся к напарнику, тот молча кивнул. – А потом как засек, что мы увидели, так сразу карточку-то и сжег, падла!

– Сжег, значит... А ваш товарищ не слишком-то разговорчив. Имя? – Ройшле требовательно посмотрел на пленника.

– Мое? Егор я, сын Миронов. Груздовские мы...

– Это фамилия или место рождения?

– Не, деревня это. А фамилие наше Сурковы.

– Сурков, вы подтверждаете слова вашего товарища?

– Ну да... Была карточка.

– Хорошо. Тогда как вы объясните то, что вместо Джугашвили к нам попал совсем другой человек? Зачем ему это надо? Зачем он пошел на подлог?

– А он товарища Сталина как отца родного любит, – ухмыльнулся молодой. – Вот и за сыночка его под нож себя решил поставить... Вы думаете – Яшка, а имеете фуфлю...

– В Писании сказано: «И жизнь положить за други своя...» – неожиданно встрял немногословный Сурков. – Вот он и ложит.

– Что... «ложит»? – недопонял капитан.

– Ну тык жизнь, я ж и говорю – договоривши они вас обдурить!

– Так... А тебя как зовут? Иванов? Прекрасно. А скажи-ка ты мне, Иванов, – тебе-то все это зачем нужно? Ты что, не любишь товарища Сталина?

– А мне подыхать неохота, гражданин начальник, – подобрался и посерьезнел молодой. – А еще... Они, крысы, раньше жировали, а я за черную пайку за колючкой уродовался; комиссар и здесь бугром устроился, а Яшка свою шкуру спасает, а под топор вместо себя дурака идейного сует! А надоело! Чем я хуже того же комиссара вонючего, а? Я, промежду прочим, тоже и «Казбек» уважаю, и «прохоря» хромовые, и водочку московскую... Я для Советов всегда тлей был, холопом бессловесным, а у вас, может, и в паханах чуток похожу... Да я их всех намочу и высушу! Мне закурить бы, господин капитан, а?

Ройшле скосил взгляд на стол, за которым молча сидел Гольтерс, на пачку «Аттики», которую рассеянно крутил в пальцах майор, слегка вздохнул и достал из кармана пачку солдатских «Юно». Посмотрел на пачку, потом на пленников, причем при взгляде на Суркова капитан досадливо поморщился, затем отдал пачку Иванову.

– Значит, так... Этого, – кивок в сторону Суркова, – переведем на легкую работу – пусть деревянные поддоны сколачивает. А с тобой решим чуть позже... Будешь полезен – будешь жить. Неплохо жить. Если вы все наврали – вы умрете. Очень плохо умрете... А теперь идите и о нашем разговоре – ни одной душе!.. Фельдфебель!

Когда за пленниками закрылась дверь, капитан прошелся по кабинету, с разрешения Гольтерса закурил и негромко сказал:

– Господин майор, если все это правда, то мы с вами в поимке комиссара заинтересованы, пожалуй, не меньше господина коменданта... Даже больше – комиссар единственный, кто может подтвердить или опровергнуть версию этих уголовников! Документов у них не было, подлинных фотографий лейтенанта Джугашвили у нас нет... Советы поступали неглупо – например, руководящим работникам НКВД было строго запрещено показывать посторонним семейные да и любые фотографии...

– Что, однако, не помешало им в мае сорокового, когда Сталин для поднятия престижа Красной армии ввел генеральские звания, напечатать в газетах списки своих генералов-адмиралов вместе с прекрасными фотографиями! Не знаю уж, чей это был просчет, но, на мой взгляд, поступок, с точки зрения секретности и безопасности страны, совершенно идиотский! И вот еще что, капитан... – продолжил майор, ненавязчиво напоминая, кто все-таки здесь главный. – Если сейчас у нас в руках самозванец, «пустой болван»... Вообще-то получается интересная игра. Если мы выиграем – железные рыцарские кресты нам обеспечены...

– А если, не дай бог, ошибемся – то могут и деревянные... – озабоченно закончил капитан.

– Сплюньте, Ройшле, и постучите по дереву... Да поможет нам Бог! А теперь, думаю, мы с вами вполне заслужили по хорошенькой рюмочке прекрасного «Мартеля»...

Лагерная фотография старшего политрука Шорохова была срочно растиражирована и разослана во все комендатуры, подразделения полиции и фельджандармерии вместе со строгим предписанием в случае поимки беглеца допрос не производить, а немедленно доставить политрука в местное отделение абвера.

«Еще не хватало, чтобы сливки с этого дела сняли эти мясники из гестапо или еще какие пижоны из ведомства Гейдриха...» – озабоченно размышлял майор Гольтерс, в который раз перебирая бумаги из пока еще тоненькой папки с грифом «совершенно секретно»...

9

– Какого черта вы подогнали автобус к самому дому?! – худошавый обер-лейтенант, даже не пытаясь скрыть своего недовольства и раздражения, обернулся к господину в штатском. – Вы бы еще на крыльцо въехали... И что прикажете теперь делать? Вы думаете, они вот так просто и сдадутся? Надо было...

– Вы будете учить гестапо, как надо работать, лейтенант? – штатский надменно поджал губы и, заметив, как взгляд офицера растерянно вильнул, холодно продолжил: – Вам поставлена задача: окружить дом и взять русских парашютистов. Живыми. Вот и выполняйте! А со своей работой мы как-нибудь и без вас разберемся...

Обер-лейтенант молча козырнул, мысленно послал «эту гестаповскую крысу» к дьяволу и во все самые неприличные места, какие только смог вспомнить, и быстро пошел к своим солдатам, уже занимавшим позиции вокруг дома этого чертова бауэра... Гестаповец в штатском, с разумной предосторожностью укрывшийся за высоким капотом автобуса, цепким взглядом прошелся по окнам дома, затем вновь взял в руки микрофон. Мощный динамик ожил и зарокотал механическим голосом: «Русские парашютисты! Дом окружен! Предлагаю вам сдаться. В противном случае вы будете уничтожены!!!» Обер-лейтенант подошел к бронемашине, по сторонам которой замерли развернутым строем автоматчики. На эту сторону выходило всего лишь одно окно, и пулеметчик замер у турели с МГ37, не спуская настороженных глаз с окна. Лейтенант, стараясь держаться вне поля зрения засевших в доме, обошел усадьбу по периметру – два мотоцикла с пулеметами, бронемашина и рота солдат не оставляли парашютистам ни малейшего шанса на благоприятный исход возможного боя. Во всяком случае, в одном можно было быть уверенным точно – живым из кольца не уйдет ни один! Вновь зарокотал динамик, предлагая русским сдаться. В ответ со стороны фасада раздался звон разбитого стекла, и во дворе ухнула граната. Обер-лейтенант не смог сдержать довольной ухмылки: «Так они тебе и сдадутся! Русские, конечно, свиньи, но в диверсанты они трусов и слабаков не набирают... Что бы ты там ни приказывал, а моя задача предельно проста: не упустить ни одного... А насчет живых – это уж как повезет!»

Лейтенант выдернул из кобуры парабеллум и поспешил к автобусу. Из дома вновь ударила короткая очередь, затем вылетела граната, ударилась о землю, отскочила к стене каменного сарая и взорвалась. Осколки с мерзким визгом пролетели над автобусом.

Обер-лейтенант повернулся к пулеметчику, съездившемуся в коляске мотоцикла:

– Рядовой, дай-ка хорошую очередь по верхушкам окон... Аккуратненько. Второе отделение – попробуйте подобраться вплотную к стенам, в «мертвую зону». Капрал, командуйте!

Пулеметчик знал свое дело – пули дружно прошли по верхним стеклам, защелкали по бревнам дома, откалывая длинные острые щепки от переплетов и косяков. Не успела затихнуть очередь, как гестаповец напомнил о себе голосом мегафона: «Только живыми!!!»

– Ну, живыми вы нас хрен возьмете! – Бикбаев чуть выглянул из-за мощного косяка и дал короткую очередь – одна из касок дернулась и, ткнувшись в землю, замерла.

– Да мне и мертвым у них делать нечего! – сварливо отозвался Пахомов и швырнул во двор очередную гранату. – Это не гранаты, а дерьмо на деревянной длинной палке! Одно слово – немецкие! Командир, а дело-то наше табак... Если они сейчас дружненько ломаются – нам их не перестрелять... Сдал нас кто-то... Чуешь, Бикбаев, что толкую-то?

Пахомов на секунду отвернулся от окна и скользнул взглядом по хозяину дома, пугливо прижавшемуся к выступу облицованной кафельными изразцами печке. Белогорцева с обиженным лицом притулилась в самом глухом и безопасном углу, в одной руке сжимая вальтер, а другой прижимая к себе обшарпанную коробку радиостанции – выполняла приказ

командира группы, заявившего, что без связи группе – конец и радистка просто не имеет права рисковать.

– Если пан думает, что швабов навел на вас я, то пан ошибается! – лицо хозяина явки слегка побледнело и выражало явное возмущение. – Если бы я работал на гестапо, разве я сейчас сидел бы тут с вами, под пулями?!

– Командир, а у них огнемечик... Спекут они нас как курят! – Пахомов вновь дал короткую очередь, в ответ раздались недружные выстрелы винтовок и длинная пулеметная очередь. Несколько пуль с противным хрустом щелкнуло по печным изразцам, высекая острую крошку. – Слышь, командир, я их прижму чуток, а ты попробуй пулеметчика снять...

Поп выставил ствол над подоконником и дал длинную, на полрожка, очередь, не давая немцам поднять голов. Бикбаев тщательно выцелил пулеметчика и, затаив дыхание, плавно потянул спуск. Пулеметчик дернулся и, раскинув руки, отвалился от пулемета, ствол которого сиротливо уставился в небо.

– Есть! – Пахомов ликовал, но тут же какой-то нехороший звук заставил его обернуться. Бикбаев осел под окошком, лицо вдруг стало каким-то растерянным, а в груди что-то мокро хрипело и хлопало. Тут только Пахомов заметил, что на груди командира расплываются мокрые пятна вокруг двух вроде и совсем нестрашных дырочек.

– Леш, кажется... кранты мне... – на губах судорожно сглатывавшего Бикбаева пузырилась розоватая слюна. – Планшет возьми... там карта. Леша, мы должны выполнить задание, понимаешь?! Должны. Ты везучий, Поп, вырвись отсюда... Командуй...

– Если пану будет угодно... – хозяин несмело взглянул на Пахомова. – Там дверца во внутренний двор. Можно попробовать пробраться в конюшню... это может быть шанс...

...Огнемечик вновь повел длинным соплом и в сторону сараев метнулась оранжевым облаком длинная огненная струя зажигательной смеси. Рядом с сараями уже лениво горела большая скирда видимо сыроватой соломы, поскольку дым клубился густой и серо-желтый, а огня было почти не видно... Похоже, операция близилась к концу. Солдаты все-таки подобрались вплотную к стенам, и двое уже взламывали входную дверь, на совесть сколоченную из толстых, двухдюймовых досок. Наконец дверь подалась и рухнула внутрь сеней. Солдаты рванули вторую, незапертую, дверь, ведущую внутрь дома. Сидевший у стены парашютист с усилием поднял пистолет и дважды нажал на спуск, затем, упреждая кинувшихся к нему солдат, неожиданно быстро ткнул ствол в подбородок и выстрелил...

...Тяжелое полотно двустворчатых ворот конюшни с грохотом отворилось, и из проема выметнулись три всадника. Кое-как взнузданные лошади испуганно шарахались, не очень-то слушаясь седоков. Пахомову стоило огромных усилий хотя бы немного усмирить перепуганных животных, поскольку в случае пожара конь обычно скорее сгорит заживо, чем выйдет из горящей конюшни! Титаренко с Белогорцевой, нахлестывая лошадей, перемахнули через невысокую изгородь и, прикрываясь обильными клубами дыма, ползущими от горящего стога соломы, устремились к опушке леса. Лошади, похоже, с удовольствием оставляли позади страшную усадьбу, где грохотали выстрелы и начинал бушевать огонь...

...Пахомов на пару секунд задержался, заставляя своего коня подскочить чуть ли не вплотную к автобусу, уже щеголявшему обильной россыпью дырок от пуль.

– Чай кончился, ребята, один лимон остался! – Поп взмахнул рукой, и ребристая лимонка влетела сквозь разбитое стекло внутрь автобуса. Не дожидаясь, когда грохнет разрыв, всадник вслепую дал очередь по бестолково засуетившимся немцам, пытавшимся не то укрыться, не то срезать всадника, не то поймать лошадь вместе с кавалеристом, и рванул вслед за подрывником и связисткой... Вслед понеслись беспорядочные выстрелы и взревели мотоциклы, явно намереваясь кинуться в погоню.

Пахомов уже почти догнал товарищей, и тут сквозь рев мотоциклетных двигателей простучал пулемет и лошадь под Белогорцевой вдруг издала ржание, скорее похожее на

визг, и грузно грохнулась оземь. Лиза едва успела соскользнуть и растерянно заметалась, потом метнулась к лесу, но в следующее мгновение поняла, что от мотоциклов ей не уйти, и вновь застыла на месте... Копыта паховской лошади взметнулись едва ли не у самого залитого бледностью и ужасом лица, и Лиза, стряхивая оцепенение, услышала взбешенный крик Пахомова: «Мать-перемать... прыгай!!!» Белогорцева неуклюже подпрыгнула, одна рука Попа бесцеремонно рванула ее за пояс, помогая сесте позади всадника, а вторая уже яростно нахлестывала коня...

Немецкий мотоцикл привык к хорошим автобанам и ухоженным дорогам проселков, а вот к езде по вспаханному полю даже мощный армейский «Цундап» относится как к грубому насилию и издевательству. Мотоциклы сначала слегка увязли, а потом уже, обиженно взревев, дернулись раз-другой и вовсе заглохли.

...Вслед за солдатами в дом торопливо вбежал «штатский», увидел мертвого парашютиста, перевел злобный взгляд на второго, оказавшегося в доме, – солдаты уже скрутили пожилого хозяина явки русских диверсантов, под глазом поляка стремительно расплывался огромный кровоподтек.

– Где?! – в голосе гестаповца плескалось и явно перехлестывало через край бешенство. Он подскочил к пленнику и наотмашь ударил его по лицу. Поляк испуганно дернулся и запричитал, пытаясь закрыться руками, за которые его крепко держали солдаты.

– Пан официэр, эти русские силой ворвались в мой дом! Богом клянусь, я ни в чем не виноват!! О matka боска, пся крев...

– Отпустите его... Где они?!

– Пан официэр, они ушли подземным ходом! Их пятеро... Вон там, в углу кухни, люк... А из подвала – ход, можно до самой околицы... – поляк устало повел рукой, словно хотел вытереть вспотевший от ужаса пот, и вдруг пальцы его метнулись к воротнику пиджака – а в следующее мгновение гестаповец понял, что совершил непростительную, преступную глупость! Какая поистине дурацкая самоуверенность, ну как же он мог так недооценить этого проклятого поляка?! Развесил уши: «пан официэр», а эта хромая сволочь оставила нас с носом!.. И что теперь писать в рапорте, дьявол бы сожрал этих русских?!

Но ни самые страшные ругательства, ни пытки и побои уже не смогли бы напугать, а уж тем более оживить человека, раскусившего ампулу с ядом. Пытки страшны для живых...

10

Кабинет Меркулова в знаменитом мрачноватом здании на Лубянке был точной копией десятков таких же кабинетов не самых крупных, но видных совпартработников и военачальников: тот же паркет, ковер, стены в деревянных панелях, обязательный портрет мудрого и строгого вождя на стене; то же зеленое сукно большого письменного стола, стоявшего во главе длинного стола для совещаний, непременные лампа, письменный прибор и прочие мелочи. Да и атмосфера в этих кабинетах была на удивление схожа, поскольку приглашали в эти тихие, уютные помещения отнюдь не на дружеские посиделки за доброй чаркой и не для душевного чаепития...

Вот и сейчас неподалеку от входной двери застыли в неподвижности несколько человек в военной форме с петлицами от полковника и выше... Хозяин высокого кабинета, полноватый мужчина довольно приятной наружности, всем своим видом демонстрируя самую серьезную степень недовольства, хмуро молчал и почему-то неотрывно смотрел на телефоны, кучковавшиеся на маленьком приставном столике, – от самого простого, до аппаратов ВЧ и прямого телефона с выходом на Самого... Бывает так летним веселым днем: солнышко, жара – и вдруг наплывает неведомо откуда сизо-черная тяжелая туча, проблескивают в ней короткие молнии, и глухо, многообещающе погромыживает. Еще не упало ни капли дождя, еще солнце не спряталось, но... уже очень хочется убраться куда-нибудь подальше – в надежное укрытие, под крепкую крышу... Нечто подобное витало и в этом уютном помещении, только... бежать «приглашенным» посетителям было некуда.

– Горобец, что там с группой Бикбаева? – наконец подал голос Меркулов.

– Группа на связь не выходит, товарищ комиссар госбезопасности... Однако нам доподлинно известно, что явка в Просткене провалена...

– Откуда информация? – на скулах комиссара играли желваки, а взгляд наливался нехорошей тяжестью.

– Пришла шифровка... от нашего человека в абвере.

– О самой группе знал самый ограниченный круг лиц. Инструкции группа получала за сутки до заброски в тыл... Значит, что? – Меркулов обвел взглядом присутствующих. – А это значит, что о группе сообщили или отсюда, из Подмосковья, – что маловероятно, – или уже на месте, после десантирования... Так что у нас получается? В группе лучших ваших людей предатель? Так?! Они, значит, бегают, прячутся от немцев, а кто-то из этих героев-разведчиков легонько постукивает, и все наши многомудрые разработки – коту под хвост?! А может, уже и группы-то никакой нет? Всех перебили и перевязали к чертовой матери?!

– Мы пока не можем сказать определенно... – Горобец почувствовал, что лоб покрывается предательской испариной, а по спине скользнула противная капелька пота. – Мы каждую минуту ждем выхода группы на связь.

– Ждете? Ну-ну... Николай Тарасович, тебе там от окошка не дуется? – в голосе Меркулова вдруг послышалась почти отеческая забота. – Нет? Ну и славно! А комсоставский паек вчера получил, не забыл? Не забыл, молодец... А неплохо вы устроились, да? Родина вам – звания, пайки, машины под задницу... Тогда какого рожна вам еще надо, товарищи полковники-генералы?! А работать за вас я один буду?! Вы не хуже меня знаете обстановку на фронтах: танки Гудериана рвутся к Москве, генералы хваленые сдают город за городом, а наши солдатики сотнями тысяч в плен сдаются! Кругом неразбериха и чуть ли не паника! А у немцев еще и такой пропагандистский козырь на руках! Уму непостижимо – сын Самого... И если мы этот козырь у них не вырвем – любой ценой! – то, боюсь, героическая смерть на передовой нам всем сладкой мечтой покажется! А вы мне тут... Да вы знаете, в каких каби-

нетах мне холку за вас мылят?! Дело на контроле у Ставки, у Самого... и что я ему доложу? Что? Я вас спрашиваю?!

Туча все-таки гроыхнула, и ливень хлынул. Но Горобец по опыту знал, что нужно просто терпеливо и – главное! – молча переждать вспышку начальственного гнева.

«А немец прет... Как там у Пушкина... Гроза двенадцатого года настала... кто тут нам помог? Барклай, зима иль русский Бог? До зимы еще ой-ой-ой, а мы уже и Киев, и Минск, и черта лысого сдали... На Бога, как известно, надейся, да сам не плошай! А мы сплошали, ох, сплошали! Где ж нам Барклая-то взять? И сколько таких Барклаев мы пред войной под нож пустили! Нет, об этом даже и думать не следует... не то неизбежно возникает наш вечный дурацкий вопрос – кто виноват? А уж поиски ответа... Это поопаснее прогулки по минному полю будет!.. Так кто ж все-таки новым Барклаем станет, а? Разве что Жуков? Молодец мужик, это ж он тогда на Халхин-Голе японцам всыпал! Этот, слава богу, в отличие от всяких Куликов да Ворошиловых, не считает, что мужик с шашкой на сивом мерине лучше танка... Крепок, говорят, грамотен и крут – вот именно такой-то сейчас и нужен! Ну, это Хозяину решать, а у меня своих забот... – старший майор привычно думал о своем, не забывая преданно поглядывать на начальство и всем своим видом демонстрировать и некоторую виноватость, и готовность искупить, и твердую уверенность, что все будет именно так, как мечтается мудрым вождям и руководителям. – Что ж там с Бикбаевым... Бой был – это ясно! Кто уцелел, кто, возможно, погиб? Или все полегли? И если верно предположение, что один из группы – предатель и работает на немцев, то кто? Бикбаев, Пахомов, Белогорцева, Титаренко... Кто из них? А ведь как проверяли... всех! Так кто же?!»

– А может быть, послать еще одну группу? – Меркулов, заложив руки за спину, стоял у зашторенного, согласно строжайшему приказу о светомаскировке, высокого окна и слегка покачивался, приподнимаясь на носочках отлично пошитых сверкающих сапог.

– Полагаю, что следует дожидаться выхода группы на радиосвязь, – негромко предложил один из генералов, в ведении которого были лучшие специалисты по связи и спецподразделения НКВД, служащие которых ни на минуту не отходили от радиостанций и передатчиков, в руки которого в первую очередь попадали все донесения агентуры и разведгрупп «с той стороны». До этой минуты генерал благоразумно молчал, деликатно вытирал потеющую лысину и лишь теперь счел нужным хотя бы немножечко помочь Горобцу. – Не исключается возможность того, что, хотя явка и провалена, и даже вроде бы было боевое столкновение, им все-таки удалось уйти...

– Я согласен с мнением товарища генерала, – продолжил старший майор, – тем более что ни о погибших, ни о захваченных в плен в шифровке нашего человека в абвере не сообщается...

– Хорошо, – неожиданно легко согласился комиссар. – Даю вам сутки. Но не забывайте, что хотя в сутках и целая уйма минут – тысяча четыреста сорок, но всего лишь двадцать четыре часа... Все свободны! О малейших изменениях докладывать мне немедленно. В любое время суток! И помните про двадцать четыре часа...

11

Советских разведчиков и диверсантов, забрасываемых во время войны на территорию Германии, ожидала масса неприятных сюрпризов... Прекрасно обученные подразделения по поимке вражеских парашютистов, с настойчивостью и неутомимостью голодных волков идущие по едва уловимым лучшими розыскными собаками следам. С немецкой четкостью работающие подразделения гестапо, полиции и фельджандармерии. Население – законопослушные, четко следующие всем приказам и инструкциям военного времени граждане «великого рейха», большинство из которых чуть ли не до последних дней войны верили в «гений великого фюрера», в великую Германию и непобедимость немецкого оружия. Еще бы и не верить – ведь фюрер, в отличие от великого множества других политиков, сделал все, что обещал нации! Каждому немцу дал работу, верный кусок хлеба с маслом – то бишь кружку пива и блюдо тушеной капусты с великолепными сосисками, возродил армию, сбросил с плеч великой Германии унизительные условия Версальского мира! Великий фюрер нового тысячелетнего рейха подарил немцам возможность гордиться своей страной, своей нацией, своей армией – в считанные дни почти вся Европа легла под сапог немецкого солдата! А какие перспективы ждали избранный самим провидением народ на Востоке, в стране русских варваров, – бескрайние земли, леса, горы зерна, мяса, масла и... тысячи, миллионы бесплатных рабов! Было отчего закружиться бедным головам мелких лавочников, жадных бауэров, скупых финансистов и честолюбивых военных, воочию убедившихся в гениальности их фюрера и величии идей национал-социализма! Концлагеря? А что в них, собственно, плохого? Фюрер упрятал туда уголовников, извращенцев, смутьянов и болтунов – и правильно сделал, разве нет?! О том, что фюрер приказал для «очищения арийской нации» заодно физически уничтожить калек и душевнобольных, сентиментальные немцы предпочитали стыдливо умалчивать... Так вот, население терпеть не могло чужаков и обожало всякого рода «бдительность» и доноительство. Граждане «великого рейха», каждый третий из которых был осведомителем гестапо, каждый второй искренне считал своим долгом ставить в известность полицию обо всем, что выбивалось из раз и навсегда очерченных рамок повседневного бытия, а каждый первый стучал на третьего и второго, были гражданами сознательными... Даже чересчур. Тем более что телефонная сеть Германии была развита ничуть не хуже дорожной и дребезжащие нервными колокольчиками аппараты находились не только практически в каждом доме, но даже вдоль лесных дорог торчали аккуратные телефонные будки...

Одним из такого же рода сюрпризов были и немецкие леса. Ничего общего ни с прославленными брянскими лесами, где находили надежное убежище целые партизанские соединения, ни с лесами и болотами Белорусского Полесья, также ставшими на время войны родным домом для тысяч и тысяч «лесных призраков» – борцов с немецкими оккупантами. Ничего общего с заросшими непролазной елово-березово-ольховой смесью болотистыми просторами Псковщины, на территории которой почти всю войну открыто жил и боролся целый партизанский край и никакие карательные экспедиции и целые войсковые операции не смогли дать немцам ощущения победы над страшным злом по имени *Partisanen* и ощущения безопасности пребывания на «землях проклятых славянских варваров»...

Разница между русскими и немецкими лесами примерно такая же, как между заросшим некошеным разнотравьем и дурным бурьяном брошенным русским полем и аристократически аккуратным английским газоном. Никаких завалов и буреломов – каждую весну лесники проводят чистку своих участков, обрезая сухие ветки и вырубая старые, мертвые деревья. Лес тих, чист и порой кажется даже выметенным каким-то добросовестным метельщиком. Ни бумажек, ни консервных банок, ни прочего хлама – все это дисциплинирован-

ные жители бросают в урны для мусора, которые в этом лесу смотрятся настолько же естественно, как и в парках Берлина или Кенигсберга.

...Солдаты, растянувшись длинной ломаной цепью, неторопливо прочесывали район, в котором скрылись русские парашютисты. Торопиться некуда – максимум через час-другой цепь сомкнется с другими такими же поисковыми подразделениями и русские окажутся в прочном кольце. Собаки рвутся с поводков, нетерпеливо повизгивая и коротко взлаивая, иногда недоуменно посматривая на своих хозяев: неужели они не видят и не понимают, что вот же они, следы, – совершенно отчетливые отпечатки лошадиных копыт, да и запах стойкий! Ясное дело, что беглецов можно настичь в считанные минуты, и тогда можно будет с удовольствием продемонстрировать этим неуклюжим и неповоротливым хозяевам, что такое настоящая охота, настоящая схватка и настоящая жизнь! Без этих дурацких железок, так мерзко и раздражающе пахнущих машинным маслом и кислой тухлостью пороха! Когда ты стремительным черно-коричневым комом несешься, стелешься над землей, настигаешь врага, и вот он – мощный, неустойчивый, такой упоительный прыжок! И ты вонзаешь ослепительно-белые клыки и смыкаешь челюсти, хватке которых мог бы позавидовать не только серый лесной брат-волк, но и безжалостный стальной капкан! И ты... Ошейник больно врезался в шею – хозяин слишком сильно дернул поводок, сдерживая благородный охотничий порыв... Овчарка негодуяще фыркнула и обиженно заскулила, но тут же вспомнила, что она на работе, а работа – это порядок, вздохнула и вновь привычно рванулась вперед – туда, откуда легкий ветерок доносил такой домашний, мирный запах лошадей, который сейчас был запахом врага и предвещал... аромат схватки.

Как среди собак встречаются неутомимые гончие-борзые, свирепые кавказцы – охранники и помощники чабанов, пасущих овечьи отары, а также не имеющие никакой практической ценности комнатные разнеженные бездельем и теплом болонки всех сортов, так и среди лошадей существует своя особая табель о рангах. Могучие першероны с успехом могут тянуть тяжеленные фуры с грузом, но абсолютно бессмысленны и бесполезны на ипподроме, где проводятся рысистые бега, или в кавалерийской атаке, где более уместны легконогие арабские скакуны – птицы аравийских пустынь – или неутомимые донские красавцы. Добрая крестьянская лошадка хороша в поле и в упряжке, но в иных случаях имеет несколько недостатков, главными из которых становятся быстрая утомляемость и невысокая скорость бега. Есть еще один небольшой, но весьма существенный для беглецов, уходящих от погони, нюанс – любая лошадь оставляет хорошо заметные отпечатки копыт...

– Все, лошадей надо бросать... Еще чуть-чуть – и конец им, – Пахомов легко спрыгнул на землю и какое-то время бежал рядом с трусившим тяжелой рысью коньком. Бока усталого животного потемнели, остро пахло лошадиным потом, да и дыхание непривычного к таким длительным пробежкам коня становилось все более хриплым и тяжелым. Поп на несколько секунд притормозил, раскрыл планшетку, скользнул взглядом по карте и махнул рукой в сторону заросшей молодым подлеском опушки. – Давай туда... Если верить карте, то где-то тут ручей должен быть...

Ручей – неглубокий, да и шириной всего метра три – действительно оказался на месте – не соврала карта. Пахомов завел лошадей в ручей, помог спешиться Белогорцевой и сердито зашипел на Титаренко: «Не давай им пить! Пусть остынут чуток, а то угробим коней... Хоть и немецкие, а жалко скотину...» Еще с километр прошли по ручью: дополнительная гарантия, что поисковые собаки не сразу отыщут след, да и на месте спешивания Пахомов щедрой рукой потрусил по траве «кайенской смесью» из перца и табачной пыли – подарком, для собачьего нежного нюха убийственным....

– Ну, давайте... zu Hause! Weg, weg! – Алексей снял с лошадей уздечки, чтобы те не запутались в кустах и не стреножили ненароком несчастных животинки, и сильно хлопнул ближайшего «скакуна» по крупу. Кони сначала недоуменно посматривали на новых хозяев,

которые почему-то старательно их прогоняли, затем неторопливо, но уверенно зашагали в ту сторону, где остался «хайматхаус»...

В хорошем темпе протрусили еще километра два, и Пахомов, присмотрев местечко, где молодой ельничек рос погуще и поближе к ручью, коротко скомандовал, тяжело переводя дыхание: – Привал... Из ручья не выходим! Вон, на камушки садитесь... Лиза, посмотри, что там у нас с рацией...

– Да вроде бы все в порядке... А лампы и батареи запасные у меня в вещмешке – тоже, думаю, целы... Ой, все, не могу – дух вон!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.